

INSPIRIA

Когда замуж, Инка?

ЛИЗЗИ ДАМИЛУЛА БЛЭКБЕРН

INSPIRIA

Сурсаке. Книги с окошками

Лиззи Дамилула Блэкберн

Когда замуж, Инка?

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Блэкберн Л.

Когда замуж, Инка? / Л. Блэкберн — «Эксмо»,
2022 — (Сурсаке. Книги с окошками)

ISBN 978-5-04-182944-5

Дебютный роман Лиззи Дамилулы Блэкберн. Эта книга со счастливым концом откроет окно в твою счастливую жизнь. Капсульная серия с вырубкой! Бестселлер THE TIMES и победитель MARIE CLAIRE в номинации «Лучшая книга 2022 года». Инке чуть за тридцать. У нее хорошая работа, оксфордское образование, жилье в Лондоне, большая семья и отличные друзья. Но почти ежедневно она слышит от родственников вопрос: «Когда уже замуж, Инка?» Тетушки Инки часто молятся о ее избавлении от одиночества, коллеги думают, что она слишком консервативна, а подруги говорят, что ей нужно уже забыть своего бывшего. Несмотря на бесчисленные советы, Инка верит, что настоящая любовь найдет ее, когда придет время. Но в один день все меняется: ее двоюродная сестра Рейчел сообщает о помолвке и Инка решает во что бы то ни стало найти себе парня до свадьбы. Заголовок гугл-таблицы гласит: «Операция “Кавалер для свадьбы”». Время пошло! «Весело, проницательно и жизнеутверждающе». — Бет О'лири «Восхитительный ромком, который нарушил все правила жанра». — PopSugar «Дебютный роман Лиззи Дамилулы Блэкберн понравится всем, кто часто слышит неуместные вопросы о своем семейном положении». — Marie Claire «Роман-медитация о семье, дружбе, любви и принятии». — Джози Силвер, автор романа «Один день в декабре» «История о любви, которая должна проложить свой путь, балансируя между двумя культурами». — The Washington Post

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

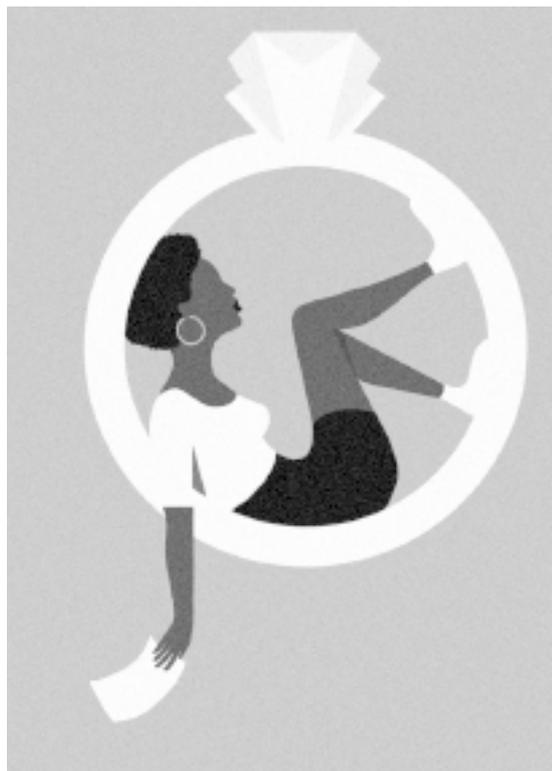
ISBN 978-5-04-182944-5

© Блэкберн Л., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Словарь нигерийского произношения	7
Январь	8
Молитва века	8
План	15
Как сестра	19
Можно мне воды из-под крана?	23
Этого не может быть	26
Куда бы я девалась без любимой тетушки?	28
Ну и вечеринка!..	32
Мое хрупкое эго	38
Коррекция плана	42
Ты такая британка!	44
Проповедь	49
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Лиззи Дамилула Блэкберн Когда замуж, Инка?

Lizzie Damilola Blackburn

YINKA, WHERE IS YOUR HUSBAND?

Copyright © 2022 by Lizzie Damilola Blackburn Ltd.

Published by arrangement with Rachel Mills Literary Ltd

Cover design © Penguin Random House UK

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2023

Словарь нигерийского произношения

Муж (произносится «хуз-банд»), имя существительное

1. Партнер по браку мужского пола

Прим.: Кеми, младшая сестра Инки, замужем за Уче

2. Несуществующий мужчина в несуществующем браке, о чьем местонахождении часто спрашивают одиноких британок нигерийского происхождения нигерийские мамы и тетушки.

Прим.: «Ну что, Инка, где твой хуз-банд? Ах-ах, тебе уже тридцать один год!»

Январь

Молитва века

Суббота

Вечеринка в честь моей сестрицы, без пяти минут матери, продолжается уже два часа, но никто пока еще не ляпнул: «Ну что, Инка, когда наступит твоя очередь?» Классического «Инка, где твой хуз-банд?» – и то не слышать.

И слава богу!

Наделав в сумасшедшем ритме снимков Кеми и раз сто спросив ее, когда роды, я засовываю телефон в задний карман. Очень надеюсь, что не навлекла на себя невзначай сглаза – слишком рано принялась веселиться...

Сутулясь на стуле, я тарашусь на Кеми и на ее подружек, пляшущих посередине гостиной: все стараются вовсю, лица пресерьезные, как на соревновании по африканским танцам.

Я перевожу взгляд на сидящих незнакомок: одна рыжеволосая, у другой пирсинг в брови; это, похоже, подружки Кеми с работы. С ними рядышком сидят мои четыре тетки. Они, как и я, с трудом доедают угощение – рис «джолоф». На наш вкус он пресноват. Знаю, не все любят острое, но тот, кто готовил этот рис, не в курсе, что предпочитаем мы, нигерийцы. Я сдаюсь и прячу недоеденную тарелку под стул. Подняв глаза, я вижу свою матушку: она пробирается сквозь толпу танцующих, искусно тряся широкими бедрами. Приплясывая, она тычет пальцами в телефон Кеми, но все без толку: моя мама все еще верна «Нокии 3.4», поэтому к айфону ей лучше не прикасаться.

– Всем привет! – кричит она с отчетливым нигерийским акцентом. Она сохранила этот акцент, хотя перебралась в Британию давным-давно, еще в восьмидесятых. – Прошу внимания!

Но из-за музыки ее не слышно. Кеми и ее подруги знай себе пляшут под песенку. Правда, моя младшая сестра не попадает в такт. Как я погляжу, она забыла о своем огромном животе, von как сгибает колени и выгибает спину! Что я вижу? Она тверкает!

Я усмехаюсь. Мне очень стыдно, что в последнее время я редко вижу с Кеми. До ее замужества мы только и делали, что ходили друг к другу в гости. Но год назад все изменилось.

– Внимание все! Прошу меня извинить! – Голос мощностью в двадцать тысяч децибел перекрывает музыку. – Всем успокоиться! Слово предоставляется маме Инки.

Это объявление моей тетушки (папиной сестры) по прозвищу Биг Мама достигает цели. В считанные секунды болтовня стихает, телефоны опускаются, танцоры разбегаются по углам, как шары на бильярдном столе. Кеми, поддерживая одной рукой живот, вперевалку подбирается к аудиосистеме и вырубает музыку.

– Спасибо! – Моя мать благодарно складывает ладони. – Спасибо всем, что пришли отпраздновать переход моей дочери к материнству. – Она поворачивается к Кеми и гордо ей улыбается. – Сами знаете, материнство – оооочень важная глава в жизни женщины. Поэтому я предлагаю помолиться за Кеми, за ее хуз-банда и за их младенца. Все встаем и дружно беремся за руки!

Шарканье, возня: сидящие встают и образуют круг со стоящими танцорами.

– Да не нервничайте вы так! – подбадривает наша с Кеми мама густо покрасневших подружек Кеми с работы. – Не верите в Бога – хотя бы просто опустите голову в знак уважения.

Я перехватываю взгляд рыжей подружки. Издали чувствуется, до чего ей не по себе.

Справа и слева от меня стоят одноклассницы Кеми, мы с ними беремся за руки, я опускаю голову.

Мама откашливается.

– Боже всемогущий...

Мне кажется, что проходит минут десять, прежде чем следует продолжение:

– Благодарю Тебя, Господи, что внял мольбе моего сердца стать бабушкой, ийя-ийя. Молюсь, и да пребудут Твоя любовь, мир и наставление с моей дочерью в родильной палате. Во имя Иисуса, пусть все с ней будет хорошо. Пусть именем Иисуса родится здоровенький малыш!

– Аминь! – хором тянем все мы – угрюмые зомби, да и только.

– Благодарение Господу за встречу Кеми и моего зятя Уче в университете. Молюсь, чтобы... – После паузы мама заканчивает дрожащим голосом: – Молюсь, чтобы Уче стал, подобно моему покойному мужу Кунле, прекрасным отцом. Долгих ему лет и отменного здоровья!

– Аминь! – почти выкрикиваю я.

Мама продолжает молиться о защите, безопасности, надежности. «Да затупится любое направленное против Кеми оружие!» У меня уже ноют ноги, подгибаются колени. Наконец мама произносит слова, которых все жаждали:

– Внемли нашим молитвам, Господи! Мы возносим их святым бесценным именем Иисуса.

Заключительное «аминь!» звучит с облегчением.

Я открываю глаза и вижу, как женщины одна за другой оседают на свои стулья со вздохом избавления. Исключение – Биг Мама: эта плюхается на свое место раньше всех, скидывает туфли и блаженно вытягивает ноги. Ногти у нее на ногах – что окунутые в красную краску шкварки из свиной шкуры... Как тут не заулыбаться? Может, Биг Мама и не самая чинная из всех моих трехсот с лишним тетушек – в нашей нигерийской культуре принято, чтобы любая африканка старше тебя на десять и более лет считалась твоей тетушкой, независимо от того, есть ли между вами кровное родство, – но уж очень я ее люблю!

– погоди, Толу! – кричит она моей матери, чуть не падает со стула. – Ты не помолилась за старшую дочь!

Мама, уже два часа кряду не убирающая почему-то руку от своих густых накладных прядей (не хватало, чтобы в них завелись вши!), поворачивается ко мне с выпученными глазами.

– Как же меня угораздило! – Одной рукой матушка одергивает платье, другой чешет голову. – Как я могла забыть про Инку? Про нашего инвестиционного банкира?

Все головы как по команде поворачиваются ко мне. Как я ни стараюсь не смотреть в глаза своим тетушкам, от их поощрительных улыбок некуда деваться. Я давно устала твердить маме, что работаю просто операционным менеджером в инвестиционном банке: она все равно перекручивает мою должность по-своему. Не знаю, почему так: то ли от желания мной гордиться, то ли так ей проще. Откровенно говоря, почти каждый истолковывает то нехитрое обстоятельство, что я работаю в Godfrey & Jackson, так же, как она. Никому не приходит в голову вспомнить о существовании большого коллектива, кучи невоспетых героинь, корпящих вдали от чужих глаз ради успеха банковского промысла. (Конечно, «операционный менеджер» звучит не очень эффектно, зато это надежное место, и я очень горда собой!) Так или иначе, моя мать давно заладила свое «инвестиционный банкир»; работу Кеми («преподаватель драматического мастерства») она упоминает несравненно реже; ясное дело, куда чаще она хвастает, что Кеми замужем и скоро родит.

– О да, Создатель наградил меня двумя дочерьми, и я должна помолиться за обеих. – Мама хлопает в ладоши. – Ойя! Всем встать. Помолимся за Инку.

Наполнивший комнату стон не сказать что громкий, но я от него все равно глохну.

– Что еще за ррр-ропот? – Можно не уточнять, что это за меня вступилась Биг Мама. Впрочем, пока все поднимаются, пусть нехотя, она продолжает восседать, как на троне. – Если бы мать Инки посулила вам за вставание по двадцать фунтов стерлингов, то, держу пари, вы бы не вздумали стонать! Это еще что такое! Чего расселась, милочка? Забыла, какое славное дело – молитва?

Женщина с сережкой в брови срывает со спинки стула свой жакет и выбегает вон. «С ума посходили!» – долетает до меня из двери ее голос.

Рыжая подруга Кеми тоже, похоже, не прочь сбежать, но ей не хватает смелости. Я награждаю ее скорбной улыбкой.

– Как я погляжу, здесь молятся?

Знакомый голос заставляет меня вскинуть бровь. Я оглядываюсь, сердце бьется с утренней скоростью. В двери висится тетя Дебби собственной персоной.

– Функе, что у тебя с пунктуальностью? – Одна моя мамаша продолжает называть свою младшую сестру ее африканским именем. – Разве в приглашении, которое я тебе вручила, не написано черным по белому «два часа дня»? По тебе можно сверять *африканские часы*!

Тетя Дебби с досадой фыркает и снимает с толстого носа огромные темные очки *Chanel*.

– Между прочим, Толу, я живу недалеко, в Хэмпстеде.

Вся комната хихикает, я борюсь с побуждением закатить глаза. Да, тетушка, всем известно, что вы с мужем заработали уйму денег, умело вкладывая деньги, необязательно все время об этом напоминать.

– Поездка заняла более часа, – сообщает она, тщательно изображая «британский» акцент. Он у нее как пальто: хочет – наденет, хочет – снимет. – Да, чуть не забыла... – Она складывает очки и вешает их в вырезе шелковой белой блузки. – Моему «Порше» здесь ничего не угрожает?

У мамы отваливается челюсть, Биг Мама скалит белоснежные зубы.

– Не тревожься, Дебби, Пекхэм нынче уже не тот, что прежде, – говорит высоким фальцетом тетя Блессинг, старшая из трех сестер. В отличие от мамы и от тети Дебби, у тети Блессинг выговор дикторши Би-би-си, приобретенный за тридцать с лишним лет работы барристером. – Это место существенно облагоустроилось.

– Благо... что?.. – недоуменно бормочет моя матушка.

Кеми вмешивается, чтобы не позволить им вступить в спор:

– Кажется, мама, ты хотела помолиться за Инку? – Она складывает руки на огромном животе и кивает тете Дебби. – Не беспокойся, тетушка, никто твою машину не тронет. Мы с Уче живем здесь уже почти год, и на наш «Форд Фиесту» ни разу никто не покусился.

– Кто позарится на такое... ладно, неважно. Я хочу помолиться, Тулу. – От этих слов тети Дебби у меня сводит живот. – Нам всем полезно сменить тон. И потом, я опоздала. – Она ерошит себе парик. – Помолиться за племянницу – наименьшее, что я могу сделать.

Она адресует мне широкую улыбку, я в ответ улыбаюсь одними уголками рта.

«Не воображай, что я забыла, что ты натворила на свадьбе у Кеми...» – думаю я, глядя, как она молитвенно жмурит глаза.

– Боже милостивый, благодарим Тебя за старшую дочь Тулы, Инку Беатрис Оладежи.

Женщина справа выдергивает свою руку из моей.

– Простите... – шепчу я, решив, что сделала ей больно.

– Благодарим Тебя за замечательную работу, которой Ты наделил Инку, за дом, купленный ею несколько лет назад. Она – пример для подражания, она многого достигла.

Я расправляю сгорбленные плечи. Что ж, пока что неплохо!

– Великий Боже, – продолжает она, – начинается новый год...

– Новый год, – повторяет за ней мама.

– В Библии сказано, что для Тебя нет ничего невозможного...

– О да, великий Боже! – подхватывает мама.

– Памятуя об этом, молю Тебя, Господи, чтобы в этом году Инка нашла себе мужа.

С какой ста...?

Я тарашусь на тетю Дебби, сделавшую короткую паузу, чтобы все произнесли «аминь». Моя мать и Биг Мама молятся гораздо громче остальных, воздевая руки к потолку, словно оттуда в любой момент может свалиться мой муженек.

Я скрежещу зубами.

– Господи, – не унимается тетя Дебби, – Инке уже тридцать два...

– Тридцать один, – шепотом поправляю я ее.

– Нет ни одной причины, по которой женщина ее масштаба вынуждена была бы оставаться одинокой.

– Боже сохрани! – подхватывает мама.

– Как Ты даровал мужа Кеми, так же даруй мужа Инке. Не тяни с этим благословением. Даруй его уже в этом году.

Звонче всех других произносят «аминь» две «тетушки», стоящие у дивана: одна ревностно трясет головой, другая неслышно произносит собственную молитву. Некоторые подружки Кеми сдерживаются из последних сил, чтобы не захохотать, но у одной не получается, и она фыркает.

Я трижды глубоко вздыхаю, чтобы сохранить спокойствие.

– Извини, – произносит Кеми одними губами, с жалостливым выражением лица – к этому я в последнее время привыкла.

«Ты не виновата, – хочу я ей сказать. – Ты всего лишь полюбила знакомого по университету и в двадцать пять лет вышла за него замуж. Впрочем, на меня так сильно не давили бы, если бы ты не забеременела в ваш медовый месяц в Коста-Рике, а подождала бы годик-другой. Что ж, любой находит любовь в свой срок, просто твой наступил раньше моего. Мое время тоже придет, я точно это знаю».

Я пытаюсь донести все эти ценные мысли до Кеми способом телепатии, но тут снова раздается голос тети Дебби:

– Господи, даруй Инке хорошего, доброго «хуз-банд» Богобоязненного, высокого роста, образованного...

– Вот и хорошо, помолимся именем Иисуса, аминь! – Так пытается поставить точку в молебне тетя Блессинг, и мне очень хочется броситься ей на шею.

Но тетя Дебби намеков не понимает и не желает униматься. Она вроде бы умолкает, воздев плотно зажмуренные глаза к потолку, но это молчание настолько невыносимо, что некоторые подружки Кеми ерзают на месте.

– Господи всемогущий! – провозглашает она наконец, простирая руку, как она делает в нашей церкви Всеобщего Радушия, когда улавливает дуновение Святого Духа. – Сотвори то, что под силу Тебе одному! Изреки Свое слово, Отец небесный! Помолимся именем Иисуса, аминь.

Все дружно, с широко раскрытыми глазами, повторяют за ней «аминь». На кого они при этом, спрашивается, глазуют? Естественно, на меня. У рыжеволосой особы такой вид, словно она сейчас разрыдается, другая подружка Кеми бормочет: «Это ж надо!..» Две тетушки, опирающиеся своими колоссальными тылами на диван, самозабвенно поют: «Аминь ни оруко Иесу!» При моем примитивном знании языка йоруба это даже мне под силу перевести: «Аминь во имя Иисуса!» – вот что это значит. Моя матушка явно подражает восторженной героине из «Рафики»¹, а тетя Дебби... тетя Дебби донельзя довольна собой.

Жаль, что я не умею проходить сквозь стены. Ужасно хочу смыться, но нет, нельзя дать деру, когда все на тебя смотрят. На мое счастье, снова начинает играть музыка, и в центр комнаты перемещается тетя Блессинг.

– Разве не веселая вечеринка? – спрашивает она, мотая головой из стороны в сторону. – Чего застыли? Мне что, одной перед вами выплясывать? – Она стаскивает со стула Кеми, вертит ее, выделявая невесть что бедрами.

– Эге-гей, эге-гей! – Она пытается танцевать так, как раньше танцевала Кеми; вступает хор, и подружки Кеми дружно торопятся в центр комнаты. Их завывания на пиджин-инглиш имеют мало общего с текстом песенки, ягодицы у каждой ходят ходуном в индивидуальном ритме. Я тяжело вздыхаю – за последний час я сильно утомилась вздыхать.

Хорошо хоть то, что теперь всем не до меня: я пулей вылетаю из гостиной и бегу вверх по лестнице. Заберу из комнаты Кеми свой жакет – и все, можно сматываться.

– О!.. – Я замираю в двери, стараясь справиться с сердцебиением. – Не ожидала застать здесь тебя.

Моя кузина Ола стоит на коленях перед Дэниэлом, своим младшеньким.

– Привет. – Она возится с подгузниками и не смотрит на меня. – Я пришла вместе с матерью. Дэниэлу пора переодеться.

Дэниэл пищит и сучит пухлыми ножками. Я люблюсь очаровательным малышом, потом спохватываюсь и подступаю к горе одежды. Только не потерять драгоценное время!

– Рейчел здесь? А Нана? – спрашивает Ола. Как я погляжу, она в очередной раз поменяла прическу. Когда мы шатались по магазинам во второй день Рождества с ней, Рейчел и Наной, на ней был длинный черный парик. Сколько времени прошло – две недели? Тогда это было нечто в бразильском стиле. Сама я никогда не напяливаю парики, поэтому не очень в них разбираюсь. Теперь на Оле нечто волнистое, золотистое, почти до пояса. Косметика, правда, прежняя: много тонального крема, румяна, накладные ресницы. Дня не проходит, чтобы Ола не позаботилась о своей мордашке.

– Еще нет, – отвечаю я ей, тщетно роясь в чужих вещах. – Нана в самоволке. Рейчел, надеюсь, скоро придет. Ее мать внизу. Наконец-то!.. – Я вытягиваю из кучи шмоток своей жакет. Но уже поздно.

– Ты ведь не уходишь? – В спальне появляется, подтягивая на себе платье, моя мамаша, за ней вышагивает тетя Дебби. – У твоей тети и у меня к тебе разговор. – Она обхватывает меня за талию, и я моргнуть не успеваю, как оказываюсь зажатой между ними на кровати.

¹ Кенийский художественный фильм 2018 г.

– Ты как, Инка? – Тетя Дебби хлопает фальшивыми ресницами. Теперь она подражает Бэмби – так я и поверила в невинность ее вопроса! – Как жизнь? То есть работа? – Она криво ухмыляется. Можно подумать, что не она возносила только что молитву века.

– Работа как работа. – На меня находит вдохновение, и я выпаливаю: – Во вторник получу повышение!

Правильнее сказать, во вторник станет известно, повысили ли меня. Но я не успеваю оговориться, потому что тетя Дебби спешит заключить меня в объятия.

– Повышение? Это чудесно, Инка!

– Первый раз слышу! – недовольно пыхтит мама.

– Кем же ты теперь будешь? – спрашивает тетушка, сверкая глазами.

– Ну... – Я бы рада сдать назад, но уже не получится. – Я буду вице-президентом. В операционном подразделении.

Мама хватается за голову.

– Вице-президентом?! Бога ради, Инка, ты вздумала командовать банком? Чтоб ты знала, это мужская работа! Совершенно не для женщины, которая хочет мужа и детей.

– Мама!.. – Я прыскаю. Ее слова – ошибка на ошибке. – Вице-президентом совсем не в этом смысле... – Только этого не хватало! – Это будет всего лишь шаг вперед по сравнению с тем, чем я занимаюсь сейчас. И вообще в Godfrey туча вице-президентов, и ни один не имеет отношения к командованию самим банком.

– А я считаю, что это победа, – говорит тетя Дебби и широко мне улыбается, а потом обращается к своей дочери: – Ола, может, поздравить кузину?

Я виновато наблюдаю, как Ола медленно кладет в целлофановый пакет мокрый подгузник.

– Поздравляю, – говорит она с таким видом, словно метила в королевы выпускного бала, но я ее обставила.

– Видишь, какая важная штука диплом! – гнет свое тетя Дебби. – Все равно что паспорт: с ним тебе везде дорога.

Мне хочется себя ущипнуть, нажать кнопку обратной перемотки. Чего ради ты, Инка, заикнулась о своем повышении? А то ты не знаешь, что тетя Дебби все никак не простит Олу за то, что та бросила универ, когда впервые забеременела.

– А вот у Наны нет никакого диплома! – огрызается Ола, заправляя ножки Дэниэла в штанины.

Тетя Дебби издает сценический смешок.

– Нана!.. – фыркает она. – То-то она все еще вкалывает барменшей и подрабатывает в *Topshop*! Я тебя умоляю, Ола!

– Между прочим, она – дизайнер модной одежды, – вступаюсь я за свою лучшую подругу.

Тетя Дебби округляет глаза.

– Только в своих мечтах. – Она машет рукой. – Лучше скажи, ты собираешься завтра с матерью в церковь?

– Кто бы заглянул в мою церковь... – ворчу я, и мама корчит гримасу. Ей никогда не нравился приход Девы Марии. Не сказать чтобы она испытывала неприязнь к англиканской церкви как таковой, хотя никогда не упускает случая удивиться, как можно что-то усвоить за часовую службу, то ли дело трехчасовой марафон у пятидесятников, в церкви Всеобщего Радущия! Что настораживает маму в моей церкви – так это состав прихожан. «Как ты надеешься встретить кандидата в мужья, Инка? – любит повторять она, подчеркивая каждое свое слово хлопком в ладоши. – В этой твоей церкви одно старичье, ойбо!»²

² Европейцы (*йоруба*).

– В общем, так: завтра ты отправляешься в церковь твоей матери. Хочу познакомить тебя там с одним молодым человеком по имени Алекс. Он – один из моих жильцов. Он из Бристоля, в Лондоне без году неделя. Высокий, красавчик! Он тебе понравится.

Дальше тетя Дебби расхваливает профессию Алекса: веб-дизайнер, заколачивает большие деньжищи. Мама, слушая ее, довольно потирает руки.

– Спасибо за заботу, тетушка, – говорю я, – но это лишнее. Я не тороплюсь знакомиться. – И спешно добавляю: – По-моему, лучше довериться судьбе, то есть Богу, как твое мнение?

Тетя Дебби разевает от удивления рот.

– Ну знаешь ли...

– Инка, Боже тебя сохрани! Думаешь, мужчины падают с неба? – Мама осуждающе смотрит на меня, ее вопрос совсем не риторический. Она грозит мне пальцем. – Если ты скажешь, что все еще вздыхаешь по своему Феми...

– Нет, просто я...

– Посмотри лучше на кузину. – Она указывает на Олу, завязывающую пакет с мокрыми подгузниками. – Замужем, трое детишек!

Я поднимаю брови. С каких это пор мама стала пропагандировать вынужденные браки, как у Олы и Джона?

– А твоя младшая сестра? Замужем, беременна!

Так я и знала, что она рано или поздно поднимет эту тему.

– Или взять твою кузину Рейчел...

– Она не замужем! – напоминаю я.

– Скоро будет. Что с тобой не так, Инка? Чего ты так упрямишься? Ты уже не молоденькая девушка...

– Хочешь быть как тетя Блессинг? – подхватывает тетя Дебби.

– Каи! Боже сохрани! – Мама вскидывает руку над головой и щелкает пальцами. – Господи, – кричит она, – убереги мою дочь от судьбы Блессинг! Ни хуз-банда, ни детей, ни внуков!

Какой примитив! Я бы все отдала, чтобы стать похожей на тетю Блессинг! Кто знает, может, она осталась одна, потому что мужчины ее боялись? В прежние времена женщин, ориентированных на карьеру, сторонились, не то что теперь.

– Жаль, у меня нет фотографии Алекса! – Тетя Дебби хлопает себя по лбу. – Я добавлю его в друзья в интернете. Твоя мать права, Инка. Своим упрямством ты ничего не добьешься.

– Я очень признательна тебе за предложение, тетушка, просто я...

– Ради всего святого, Инка! Кончай со своим консерватизмом! – Это за меня берется Ола: теперь она стоит, качая Дэниэла на одном колене. – Неудивительно, что ты до сих пор одна. – У нее удрученный тон и вид, как у пассажира, не сумевшего втиснуться в переполненный вагон.

У меня в горле застревают ком размером с арбуз. Ола бывает резкой, но чтобы повышать голос...

Что я натворила, чем все это заслужила?!

Я вот-вот расплачусь, но меня отвлекают вопли внизу. Это не песня Фелы Кути «У воды не бывает врагов», она – только фон; это даже не всплеск недовольства из-за чьей-то неуклюжести во время танца. Что там стряслось?

Избегая взгляда Олы, я выскакиваю за дверь.

В гостиной суматоха. Центр внимания – Рейчел и ее мать, Биг Мама. Обе крайне возбуждены.

– Инка! Ты не поверишь, что вчера случилось! – Рейчел боксерским движением выбрасывает вперед руку с сияющим на безымянном пальце крупным бриллиантом. – Я обручилась!

План

Я сбрасываю с себя одеяло, раскидываю ноги и тарашусь в потолок. Снаружи неистовствует ветер, дождь лупит в мое окно.

Мне не спится. Уже долгие часы я мечусь, меня не отпускают вчерашние события. После брошенной Рейчел бомбы – объявления о помолвке – я быстро ушла. Пообещала созвониться с ней и увидеться в пятницу, на их с Гавешем вечеринке. Не уверена, что она меня расслышала – слишком увлеченно болтала со своей закадычной подругой Олой. Кеми мой уход огорчил, но она поняла, почему я ухожу, и, как всегда, попросила прощения за поведение тети Дебби.

– Мне очень совестно, Инка, – призналась она, провожая меня к двери. – Если бы я знала, то сама предложила бы помолиться.

– Ты же знаешь, Кеми, тетю Дебби не остановить, когда ее понесло. – Я через силу хихикаю. – Тебе не из-за чего убиваться, ты не виновата.

Я отправила сообщение своей лучшей подруге Нане, которая должна была прийти и меня поддержать: мол, сбегая раньше времени, можешь не приходить. Она в ответ написала, что ей стыдно и что мы увидимся завтра после церкви. Это будет скоро, уже сегодня.

Я кручусь в постели, включаю лампу и морщусь при виде своего чрезмерно темного отражения в зеркале.

Мне не верится, что вчера произошло то, что произошло. Не верится, что Ола так меня приложила. А мама? Как она смеет вспоминать Феми?

ФЕМИ! Я впиваюсь пальцами в одеяло.

Если бы ты не получил эту дурацкую работу в Нью-Йорке, то мы бы уже поженились. Ради тебя я была готова все бросить: дом, карьеру, семью и друзей. Но нет, ты передумал. Ты сказал, что благодаря переезду в Большое Яблоко понял, что еще не готов осесть. Что случилось, Феми? Мы обсуждали брак, даже фантазировали, как назовем двоих своих детишек... О лучшем партнере, чем ты, я даже не мечтала. Ты был добрым, внимательным, с тобой я чувствовала себя красавицей. Как ты мог вот так взять и отказаться от всего этого?

Я тру кулаками глаза. Прекрати, Инка, с тех пор прошло почти три года. Я молю Бога, чтобы ОН даровал мне покой, мысленно повторяю строки из Библии и потихоньку успокаиваюсь. Внезапно я кое о чем вспоминаю.

Хватаю ноутбук, спешу снова лечь. После вечеринки у Кеми, торопясь взбодриться, я задала на форуме вопрос: «Если женщине за тридцать, каковы ее шансы познакомиться с парнем и выйти замуж?»

Что ж, мне уже ответили. Надеюсь, ответ меня порадует...

Джулия Н. Кинг, гордая собой феминистка

Если ты думаешь, что твои шансы на знакомство и замужество вырастут оттого, что какая-то женщина за тридцать расскажет тебе здесь о своем опыте, то ты очень наивна. Это все равно что задать здесь вопрос: «Каковы мои шансы дожить до восьмидесяти?!!» Зачем устанавливать себе предел? По моим последним данным, выйти замуж можно в любом возрасте. То, что ты задаешь этот вопрос, свидетельствует, что у тебя путаница с ценностями и что ты принадлежишь к тем отчаявшимся, кому для счастья подавай колечко. Ну так лови экстренную новость, женщина: сейчас не 1950-е годы! Для начала полюби саму себя.

Я изумленно моргаю. Между прочим, у нее уже 22 лайка!

Ясное дело, для счастья женщине не обязательно выходить замуж, как и знать себе цену. Во всяком случае, я хочу замуж не для этого. Просто мне всегда нравилась мысль о том, чтобы провести остаток жизни с тем, кому я дала обет верности, с кем вила гнездо и создавала семью. Неужели это значит, что я плохая феминистка? По мнению Джулии Н. Кинг и еще 22 посетителей сервиса Quora, так оно и есть.

Я задаю тот же самый вопрос в Гугле, на первой строчке поискового списка появляется рекламное объявление: «Каковы твои шансы найти любовь? Пройди сегодня наш бесплатный опрос».

Любопытно! Я кликаю по ссылке и читаю:

Ждешь появления в твоей жизни нового парня? Долой страх! По твоим ответам мы определим, кто ты такая и когда встретишь следующего парня. Зачем ждать? Пройди наш бесплатный опрос сегодня!

При обычных обстоятельствах я бы обходила такие штуки за милую, но после того, как я была объектом коллективной молитвы, правильно будет сказать, что мое положение далеко от обычного. Поэтому я соглашаюсь поучаствовать в опросе. Там куча вариантов.

Вопрос 1. Сколько раз на сегодняшний день ты состояла в отношениях?

A. Много, не упомню.

B. Два или больше.

C. Один раз.

D. Ни разу.

Я выбираю вариант C. Феми – мой единственный. БЫЛ.

Вопрос 2. Какая ты с мужчинами?

A. Уверенная и беззаботная.

B. Немного стеснительная.

C. Супер-пупер робкая.

D. Редко с ними говорю.

Я задумчиво постукиваю пальцами по ноутбуку. Если начистоту, то у меня маловато друзей-мужчин. Я училась в средней и старшей школе для девочек и нечасто сталкивалась со сверстниками мужского пола до самого выпуска, да и после тоже. Разве что с Джоном, посещавшим вместе со мной лекции, а потом сошедшимся с Олой и вскоре ставшим отцом ее дочурки. Но он был скорее ее парнем, чем моим. Так что одна-единственная моя референтная точка – то, какой я была на момент знакомства с Феми.

Помню тот день так отчетливо, словно это было вчера. Рейчел устроила небольшую сходку в честь 25-летия Гавеша. Санджив, старший брат Гавеша, пригласил Феми, своего лучшего друга. Мы с Феми разговорились. Не думаю, что он подошел ко мне с целью познакомиться; помню, он начал со слов типа: «Передайте мне, пожалуйста, салфетку». Уже после двух часов заинтересованного разговора мы были друзьями неразлейвода. Оба не приложили к этому никаких усилий, я даже не заметила, как это произошло.

– Не возражаешь, если я запишу твой телефон? – спросил он, когда я уже надевала перед уходом пальто.

– Кто, я? – удивилась я, указывая на себя. Только сейчас я обратила внимание, насколько он привлекателен: модная филированная стрижка, легкая небритость, светло-коричневая, цвета корицы, кожа.

Я вдруг занервничала, почти запаниковала.

Феми со смехом подал мне свой телефон. Я неуклюже ввела туда цифры – не верилось, что такой роскошный мужик проявляет интерес к такой, как я.

Волнение пополам с нервозностью не покидали меня в первые несколько встреч. Я все время думала: в чем подвох? От недоверчивости я даже себя щипала.

– Допустим, пункт В, – говорю я сейчас и щелкаю кнопкой мыши. С мужчинами я, кажется, такая: более-менее самоуверенная, но не без колебаний.

Я продолжаю заполнять опросник, отвечаю на кое-какие вопросы про меня; непонятно, зачем им моя этническая принадлежность, мой возраст? Жму с тяжелым вздохом на плашку «отправить ответы». Вперед, Инка! Ты же не просишься на работу. Но скрестить пальцы все равно не помещает.

Это не срабатывает.

«Пять целых пять десятых». Я недоверчиво смотрю на свой результат. Я понимаю его так, что следующие отношения у меня возникнут в возрасте 36–37 лет. Знаю, всегда твердила, что рада буду обрести любовь в нужное время, но пять лет ожидания – это все-таки многовато...

Почти касаясь носом экрана, я читаю объяснение, откуда взялись эти цифры:

Из ваших ответов следует, что вы – человек с уравновешенным подходом к отношениям, вы цените их длительность. Вы не подписаны на сайты знакомств и сомневаетесь, нужны ли они вам, из чего мы делаем вывод, что сейчас у вас иные жизненные приоритеты, и если вам придется ждать встречи с «вашим человеком» пять с половиной лет, то ваша мантра – «так тому и быть». Мы восхищены вашей независимостью. Для счастья вам необязательно нужен мужчина.

Я захлопываю ноутбук. Нет, от интернета помощи не жди. Я запускаю пальцы в свои курчавые волосы.

Вдруг Ола права? Вдруг проблема во мне?

Ну хорошо, не проблема... Но вдруг я действительно не позволяю себе найти любовь? Что ж, чтоб избежать нового прилюдного унижения, мне необходимо отыскать себе мужчину до свадьбы Рейчел. Здесь нужен план. План с четко обозначенными промежуточными и конечными целями, вроде тех, которые мы составляем на работе.

Я беру блокнот, нахожу на дне сумки ручку и возвращаюсь в постель. Вывожу вверх чистой страницы: «Операция «Кавалер для свадьбы». Мой план, как раздобыть себе кавалера для свадьбы Рейчел». Я облегченно перевожу дух: так уже лучше!

Следующий шаг – нарисовать таблицу. В Godfrey, приступая к новому проекту, мы обязательно составляем план с колонками: «цели», «задачи», «сроки», «ключевые показатели производительности, КПП». С этим я справляюсь за несколько минут.

**«Операция «Кавалер для свадьбы». Мой план, как
раздобыть себе кавалера для свадьбы Рейчел»**

Цели	Задача	Срок	КПП
• Личное знакомство	• Попытаться завести разговор с любым одиноким мужчиной на помолвке у Рейчел	• Следующая пятница	• Обменяться номерами телефонов
• Виртуальное знакомство	• Зарегистрироваться на онлайн-сайте знакомств в случае неудачи знакомства на помолвке у Рейчел	• Конец января	• Обмен номерами, телефонный разговор, свидание

Я изучаю свой план, раздумываю, не добавить ли дополнительную цель – «воспользоваться предложением тети Дебби и познакомиться с Алексом», – и быстро отвергаю этот вариант. Нет уж! Если Алекс мне не понравится, то тетя Дебби вечно будет мне пенять: сама, мол, виновата в своем одиночестве. Лучше не надо! К тому же я уверена, что на помолвке Рейчел и Гавеша отыщется по крайней мере один мужчина приличного вида и без пары. Однажды, много лет назад, я познакомилась таким способом с Феми, а значит, вовсе не исключено, что нечто подобное повторится в ближайшую пятницу.

Я заглядываю напоследок в свой план и закрываю блокнот. Даешь операцию «Кавалер для свадьбы»!

Как сестра

Воскресенье

Инка:

Мама права. Найти мужа в церкви Девы Марии? Ржунимагу

Нана:

Лучше напиши что-нибудь новенькое.

Ты придешь? Чмоки

Инка:

Ага. Скоро увидимся. Готовься просить прощения. Чмоки

– Значит, ты так и не добралась до Кеми?

Спустя час я переступаю через кучу блесток и ниточек, усеивающих ковер дома у Наны, в Нью-Кросс Гейт.

– Я уже ехала к ней, но тут пришло твое эсэмэс. – Нана пытается возвести у себя на голове пирамиду из тяжелых волос, но пирамида опасно клонится набок. Она сидит, вытянув вперед ноги и накрыв их бесформенной дашики³. – Ты же знаешь, как я ненавижу толпы! На меня плохо действует чужая энергия. Вот я и не... Мне дороже внутреннее спокойствие.

Я закатываю глаза.

– Ты решила прийти, когда все разойдутся? – Я падаю рядом с ней на кровать.

Она со смехом пожимает плечами. Нана ни капельки не изменилась за все пятнадцать лет нашей тесной дружбы. Мы познакомились в шестом классе, когда она протянула мне планшет с зажимом.

«Подпиши петицию против дискриминации черных за прически!»

С того момента мы поладили, да так хорошо, что я сразу пригласила ее в наш ансамбль «Destiny's Child»⁴ в составе моих кузин Рейчел и Олы и меня. Мы тоже пели, хотя не надеялись этим заработать. Ола, ясное дело, копировала Бейонсе, Рейчел – Келли. Мне в 13 лет казалось, что Келли должна изображать я, раз я темнее, хотя ни одна из нас не была похожа на этих звезд. Мы постоянно твердили, что мы подружки неразлейвода, но я в глубине души знала, что они – закадычные подруги, а я третья лишняя. Ола вообще со мной не дружила бы, если бы не Рейчел.

«Да ты что?! – возмутилась Рейчел, когда я поделилась с ней этим своим опасением (Ола в тот раз приболела и не пришла в школу). – Не дури, Инка, ты наша родня, она тебя любит. Если у нее и есть проблемы, то не с тобой, а со своей мамашей».

С этим трудно было спорить. Тетя Дебби не давала Оле спуска: вечно нас сравнивала, как будто выбирала в магазине одну из двух кастрюль. Цеплялась если не к отметкам, то к длине волос, к поведению в классе, даже к цвету кожи: кто светлее. Но разве я была в этом виновата? У меня тоже были проблемы с матерью: вечно она меня шпыняла.

Когда я познакомилась с Наной, у меня появилась мысль: «Наконец-то и у меня есть лучшая подруга!» Я прикипела к ней душой, как к родной сестре. В ней есть потайная энергия, какая-то цыганская пружинка, придающая ей свежесть и вызывающая восхищение. Мы с ней очень разные, но все равно нас иногда принимали за сестер: обе темнокожие, стройненькие, с ладными попками в форме буквы J.

³ Свободная цветастая мужская рубашка в африканском стиле. (Здесь и далее прим. переводчика.)

⁴ Американский подростковый хип-хоп квартет, позже трио: Бейонсе, Келли Роулэнд и Мишель Уильямс.

Даже не знаю, почему я так внимательна к женским задницам – может, это оттого, что у меня самой пятая точка скромных масштабов; так или иначе, с некоторых пор я присваиваю задач буквы латинского алфавита; сравнивают же женские фигуры с различными плодами! Наши с Наной попкам я присвоила обозначение J. У нас обеих спина незаметно переходит в задницу, получается такой плавный изгиб – см. букву! Стиль одежды у Наны свой собственный: это что-то вроде «африканского гранжа» или «афропанка». Я, в отличие от нее, терпеть не могу выставлять напоказ свой плоский зад и не вылезаю из длинных кардиганов.

– Вот и Рейчел обручилась... – Говоря это, Нана потирает плечо, где у нее вытатуированы два «египетских креста».

– И теперь мы с тобой – подружки невесты.

– Угадай, кто сошьет наши платья!

Я легонько щипаю ее за ногу.

– Раз так, мы будем шикарные!

Противоположная стена увешана десятками эскизов и фотографий ее моделей из волшебной ткани; вдохновением Нане служат ее корни: ее родители родом из Ганы.

– Клянусь, Нана, пора тебе уйти с работы и заняться модой. У тебя настоящий талант! Взять хотя бы этот жакет. – Я указываю на манекен в синем блейзере с огромными подкладками под плечами и с лацканами из ганского текстиля. – Наводит на мысль о «Черных пантерах».

Нана со смехом тербит серьгу в носу.

– Сама знаю. Но что поделать, приходится платить по счетам. – Она хлопает себя по ляжкам. – Ну, как прошла вечеринка у будущей мамыши? Почему ты решила оттуда сбежать?

– Даже не знаю, с чего начать... – Я ерзаю, пока не упираюсь лопатками в стену. Теперь я могу все ей выложить, не переводя дыхания, – все-все, за исключением нелицеприятных слов о Нане тети Дебби. Про то, как Ола назвала меня узколобой, я тоже умалчиваю.

– Черт!.. – Нана увертывается, когда я проливаю чай. Я так разоткровенничалась, что совершенно обессилела. – В этот раз тетя Дебби перегнула палку. Предложить всем помолиться, чтобы кончилось твое одиночество? Ну, она дает!

– Спасибо за сочувствие.

– А этот тип, с которым она хочет тебя познакомиться...

– Алекс. – Я готова к новой обличительной речи.

– Напомни, почему ты не хочешь с ним знакомиться?

Я смотрю на Нану, проглотив язык. Она и не думает отводить глаза.

– Ты же одна, так в чем проблема?

– Ты меня не слушала, Нана? Тетя Дебби меня опоззззорила. – Последнее слово я произношу с нигерийским акцентом. – Даже не так: она меня унизила да еще мою матушку в это втянула. – Мне приходится тараторить, чтобы не дать ей возразить. – В друг этот Алекс мне не понравился бы? Думаешь, тетя Дебби не закатила бы скандал? Зря ты так думаешь. Забыла, что она устроила на свадьбе у Кеми?

Приходится Нане поджать губы.

– Точно...

А устроила тетя Дебби там вот что: я не поймала букет невесты, так она кинулась к танцующим, отняла у ведущего микрофон, позвала победительницу, спросила, сколько ей лет, и стала доказывать, что ее племяннице букет нужнее. Когда оказалось, что мы ровесницы, она все-таки вырвала букет у нее из рук и разделила надвое. «Теперь вы обе выйдете замуж!» – провозгласила она, на что все триста моих дядюшек и тетушек хором грянули «аминь!».

Нана качает головой.

– Понимаю тебя, просто... – Она не договаривает и прикусывает губу.

– Продолжай, раз начала, – прошу я со вздохом.

– Знаю, ты веришь в любовь. Это здорово, что ты веришь, что рано или поздно ее найдешь. Но не думаешь ли ты, что для этого надо что-то предпринимать самой?

– От кого я это слышу? – Мне смешно. У нее самой уже миллион лет нет парня. Ей везет, никто ее за это не осуждает: ее родители – уравновешенные либералы. Попробовала бы я заявить своей матери, что не собираюсь учиться в университете: она бы меня убила!

– Разговор не обо мне, – возражает Нана. – Между нами большая разница. Я не возражаю никогда не найти любовь и состариться в одиночестве. Честно говоря, меня устраивает мое собственное общество. – Она тычет в меня пальцем. – Это ты – безнадежный романтик. Ты веришь в любовь и во всю эту чушь.

– И я ее найду, но только без помощи тети Дебби.

– Каким же это образом? – Нана снова хватается за свою пирамиду волос, сползающую все ниже. – Как ты найдешь мужчину, когда занимаешься одной работой?

– Без работы никуда! – возражаю я. – К тому же последние три года я, знаешь ли, не была сосредоточена на поисках мужчины. А вот теперь... – *Рассказать ей об операции «Кавалер для свадьбы»?* Нет, неудобно. – Я застенчиво улыбаюсь. – Теперь Инка снова станет собой.

Нана насмешливо приподнимает бровь и трогает мне лоб – нет ли у меня температуры. Я отстраняюсь, она хохочет.

– Я серьезно, Нана. Я даже составила план. В пятницу на помолвке у Рейчел я... собираюсь пообщаться с несколькими мужчинами.

Нана фыркает.

– На твоём месте я бы не возлагала излишних надежд на эту пятницу.

Я хмурюсь.

– Кажется, там будет мало народу. Рейчел говорила, что это будет даже не вечеринка? И вообще, не проще ли знакомиться в интернете?

– Это будет следующий шаг. Я наслушалась страшных рассказов и не хочу прибегать к этому способу, не попробовав другие. И потом, ты же знаешь, какая я старомодная.

– Знаю, знаю... – смеется Нана. – Что ж, рада, что ты берешься за ум. Я беспокоилась, что ты никак не выбросишь из головы Феми.

Я гордо складываю руки на груди.

– Между прочим, я даже не слежу за ним в соцсетях.

Нана усмехается.

– Не знаю больше никого, кто бы продолжал сидеть на Фейсбуке⁵.

Мы обе смеемся, потом я опять задумываюсь о своем плане. Я действительно надеюсь, что на помолвке – или как это будет называться? – у Рейчел и Гавеша будут одинокие мужчины. Но, может быть, Нана права и мне стоит иметь в виду другие варианты.

Напоминание в «Самсунге»:

Написать Джоанне и Брайану о том, чтобы где-нибудь выпить завтра после работы.

– Послушай, Инка...

– Что?.. – Я поднимаю глаза, Нана теребит гроздь сережек у себя в ушах. – Только не говори, что опять хочешь превратить меня в манекен.

– Не в том дело. – Она водит пальцем по татуировке у себя на левом запястье – голове Клеопатры. – Хозяйка хочет поднять плату за квартиру.

– Серьезно? С ума сойти! Полугодя не прошло, как ты въехала.

Нана вздыхает.

– Представляешь? Кто бы подумал, что Нью-Кросс окажется дорогим районом?

⁵ Деятельность социальной сети Фейсбук запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности. (*Здесь и далее.*)

– Черт! Плохи дела...

– Да уж, – угрюмо бормочет она. – Я тут подумала... – Она выпячивает губу. – У тебя две спальни...

– Перестань!

– Это не навсегда. Ну пожалуйста, Инка! – канючит Нана. – Иначе мне придется переехать к сестре, а у нее трое детей, там некуда втиснуть мои вещи.

– Это погубит нашу дружбу, – скулю я. – И потом, разве жить со мной не опасно для твоей энергетики?

– Тебе ли говорить о возвышенном! – Она лупит меня подушкой по коленке. – Не узнаю тебя, Инка.

Признавайся, почему ты на самом деле не хочешь, чтобы я переехала к тебе?

Я опускаю глаза и притворно покашливаю.

– Ты неаккуратная.

– Неаккуратная? – У Наны такой вид, словно я оскорбила Бейонсе. Можно подумать, что она не видит очевидное: по всем углам у нее распаханы пластиковые пакеты, какие-то мотки. Я уж не говорю об ее ковре, давно утратившем первоначальный цвет... На рабочем столе у Наны страшный кавардак, даже швейную машинку не разглядеть. А это что такое? Неужели засохшая мандариновая корка?

– Это творческий беспорядок, – гордо произносит она, но не может сохранить серьезность и прыскает. – Брось, Инка! Ты – моя последняя надежда. Как мне тебя уломать?.. Придумала! Ты любишь как я готовлю. Вообрази: курица по-ямайски, рис «джолоф» – каждый вечер!

Я уже колеблюсь. Нана отменно готовит. Я швыряю в нее подушкой.

– Я подумаю.

Можно мне воды из-под крана?

Понедельник

История браузера:

Как познакомиться в баре с парнем и не выглядеть при этом дурой?
(журнал Elle)

– Не могу поверить, что за тебя молились! – говорит Джоанна, прикрывая ладонью рот, чтобы не захохотать. – Что за лицемерие!

Время – семь часов вечера, я стою у стойки бара со своими любимыми коллегами – Джоанной и Брайаном. Мы в нашем излюбленном месте – баре All Bar One. Здесь, как водится, яблоку негде упасть. Операция «Кавалер для свадьбы» началась, по этому случаю на мне моя лучшая белая блузка, заправленная в черную трапециевидную юбку *H&M*. Я раздумывала, не прийти ли с голыми ногами, но для этого чересчур холодно. На Джоанне льстящая фигуре юбка-карандаш и телесные колготки.

Я познакомилась с Джоанной лет пять назад в пикантной ситуации: она передала мне под перегородкой между туалетными кабинками рулон бумаги – в моей кабинке бумаги не оказалось. Шапочное (как ни смешно это звучит в такой ситуации) знакомство быстро переросло в дружбу; благодаря ее работе в паблик-рилейшнз я увидела живьем Джорджу Смит⁶. Брайан пришел к нам год назад с дипломом финансового аналитика, и в первую же неделю наш отделом Луиза устроила ему головомойку: «Здесь работают, Брайан, нечего чесать языком!» Я пожалела его, и мы с Джоанной пригласили его выпить кофе, после чего эти двое стали неразлучны. Когда мне бывает лень ворочать языком (то есть частенько), я называю их «ДжоБрайан».

– Вот это да! Соболезную, детка. – Брайан с сочувственной гримасой спускает свой серый блейзер с одного плеча. – Тебе досталось почище, чем мне. Когда я открылся своей матушке, она сказала всего-навсего: «Поставлю-ка я чайник». Кстати, она католичка.

Мы понимающе смеемся.

– Добро пожаловать в мою жизнь, – говорю я, перекрикивая шум голосов. В баре с каждой минутой прибавляется мужчин в щегольских рубашках и распущенных галстуках. Пока что я ни на одного из них не положила глаз, что как-то странно, зря я, что ли, читала статью про «тлеющий» зрительный контакт (что бы это ни значило)? В довершение зол большинство выпивают компаниями и при этом так горланят, что хоть беги. Что, если они тоже из Godfrey? Надо было заранее об этом подумать. Вот и дополнительное усложнение.

– Это изъян нигерийского происхождения, – говорю я Брайану, снова переводя взгляд на него. – У нас забывают, что любовь – это процесс. Что первым делом надо влюбиться, а не просто встретиться абы с кем и решить, что вот он, жених!

– Так ты собираешься знакомиться с этим Алексом? – спрашивает Брайан, не соизволивший меня выслушать.

– Еще чего! – Протискивающийся мимо меня тип едва не отрывает мне руку.

– Что так? – Брайан поднимает очки на лоб. – Похоже, он – удачная находка...

– Не уговаривай ее! – Джоанна отбрасывает с лица прядь волос. – Если у нее сложится с Алексом, то как быть с Дерексом?

Я ставлю свой стакан на стойку и негодуя смотрю на подругу.

⁶ Британская певица, выступает в стилях регги, панк, хип-хоп.

С тех пор, как я рассказала ДжоБрайану про Дерекa, они заладили: «Это твоя судьба!» Они знают, как он выглядит, но это им не мешает. Не надо было показывать им фотографии Дерекa в соцсетях. Зачем я это сделала?!

Мы с Дерекoм знакомы давным-давно: сначала вместе посещали воскресную школу в церкви Всеобщего Радушия, потом в 18 лет подружались и вместе готовились к поступлению в университет. Оказывали друг другу моральную поддержку в библиотеке. Я считала, что у нас платонические отношения, но однажды, когда я пила в баре с Кеми по случаю разрыва с Феми, туда заявился Дерек. Наш разговор здорово затянулся. Он оказался вовремя подставленным плечом – в буквальном смысле. Когда Кеми отлучилась в туалет, Дерек тихо сказал мне: «Ты не нужна Феми, Инка, зато нужна мне».

Я дернулась, как будто задела паука. Дерек – милашка, но он – ДЕРЕК. У нас с ним нулевая химия. Не представляю романтических отношений с Дерекoм.

«Ты мне нравишься, Инка», – продолжил он, не спуская с меня глаз.

У меня свело живот. Мне ли не знать, что такое безответная любовь и разбитое сердце! Поэтому я отделалась от него такой репликой: «У меня только что закончились отношения, Дерек...» К счастью, он больше ничего не сказал.

С тех пор мы не виделись. Вот еще одна причина моего нежелания посещать церковь Всеобщего Радушия.

– И то верно! – Брайан поворачивается ко мне с разинутым ртом. – Как я мог забыть про нашего обожаемого Дерекa? Кроме шуток, Инка, вы были бы красивой парой!

Я забыла, что нахожусь в компании своих белых друзей, иначе не стала бы в сугубо нигерийском стиле вращать над головой рукой, щелкать пальцами и твердить, совсем как моя мамаша: «Боже сохрани, Боже сохрани!»

Брайан и Джоанна таращат на меня глаза.

Я откашливаюсь и хватаю свой стакан.

– У меня готов план знакомства.

Вижу, Джоанну заинтересовало мое сообщение.

– План? – переспрашивает она, болтая в стакане соломинкой.

– Хотим подробностей! – подхватывает Брайан.

– Все скромно, – говорю я. – Перестать прятаться – вот и весь план. Поболтать с одним-другим на помолвке моей кузины в эту пятницу. Если ничего не выйдет, то даже не знаю... может, попытаю удачи со знакомствами в интернете...

У Брайана отвисает челюсть.

– Тебя даже нет в Tinder?! Господи, Инка! Неудивительно, что ты до сих пор одна.

Я неторопливо цежу свой коктейль.

– По-моему, туда ходят только за сексом.

– Что в этом плохого? – ухмыляется Брайан. – Шучу, шучу. Но и врать не буду: тебе не помешало бы развеяться. И не забудь, что я нашел любовь моей жизни не где-нибудь, а на Tinder. Мы с Рики уже два года вместе.

– Можно подумать, что я тут единственная одиночка. – Я указываю кивком на Джо.

Брайан игриво косится на нее.

– Ее это тоже касается.

– Большое спасибо, мне хватает платных сайтов знакомств. – Джоанна допивает вино. –

У меня своя теория: если мужчина радостно платит за поиск любви, то он, наверное, хочет серьезных отношений, правильно?

– Возможно. – Я пожимаю плечами. – Но это не спасает от неудач.

– Совершенно не спасает! – охотно соглашается Брайан. – Помнишь, как Джо однажды прокололась?

Пока Брайн пересказывает тот эпизод (несколько месяцев назад Джоанна напоролась на айтишника с обликом агента ФБР, отказавшегося снять темные очки), я обращаю внимание на чернокожего с точеными чертами лица, вышедшего из мужского туалета. Этот определенно не из Godfrey, уж я-то знаю всех наших черных. Можете мне поверить, его лицо я бы запомнила.

Пока Брайан треплется, я украдкой наблюдаю, как незнакомец продирается сквозь толпу. Кто-то случайно толкает меня в спину.

– Вот болван! – повышает голос Брайан. – Гляди, он разлил всю твою выпивку.

– Сейчас закажу тебе еще. – Джоанна лезет в свою сумочку.

– Брось, там почти ничего не оставалось. – Я озираюсь. Мой точеный чернокожий уже покинул бар, все кончилось, даже не начавшись.

– Сейчас моя очередь угощать, – напоминает Джоанна.

– Нет, благодарю. Я так много не пью.

Джоанну мой ответ развеселил.

– Да уж, то, чем ты занимаешься, не подходит под понятие «пить». А ты, Брайан? Хочешь повторить?

– Разве что за твой счет.

Джоанна подзывает бармена. Я ставлю пустой стакан на стойку и отвожу глаза.

Опять Инка проявила себя занудой. Не желаю в сотый раз объяснять, почему так мало пью.

Все просто: технически христианам не запрещено пить спиртное, даже Иисус превращал воду в вино, но Библия учит не пить допьяна. «Если не напиваться, то зачем переводить продукт?» – сказали бы мои друзья, понимающе переглядываясь. И снова мне пришлось бы распространяться о достоинствах трезвости и самоконтроля. Или спрятаться за авторитет Всевышнего, стремящегося спасти человечество от мук похмелья. Того и другого я стремлюсь избежать.

Джоанна уже готова заказать для нас очередной раунд. – Можно мне просто воды из-под крана? – говорю я ей. Нам приносят заказ, и она предлагает выпить не просто так, а за что-нибудь.

– За что, интересно? – спрашивает Брайан, пригубивая свой коктейль. – Только не за Новый год, он давно миновал.

– Может, за мое повышение? – предлагаю я.

– О-о, кто-то полон самоуверенности! – дразнит меня Брайан.

– Потому что я этого заслуживаю. – Я поднимаю свой стакан с водой. – Нет, серьезно. Я работаю в Godfrey уже восемь лет. Пора бы назначить меня вице-президентом.

– А что, ты заслужила, – соглашается Брайан. – Цель стать директором по маркетингу уже неактуальна?

– Ой, совсем забыла...

– В общем, за Инку! – Джоанна поднимает свой стакан. – Чтобы уже завтра ты получила заслуженное повышение.

Мы чокаемся.

Этого не может быть

Вторник

Боже, нет!

Нет-нет-нет-нет-нет.

Не может этого быть!

Отказываюсь в это верить.

Я снова и снова перечитываю шапку письма. «Re: Прекращение трудовых отношений по причине сокращения штатов».

Я оказалась лишней! У меня ухает сердце, руки, держащие письмо, которое заводелом Луиза положила мне на стол, противно дрожат.

– Весьма сожалею, – говорит она своим привычным покровительственным тоном. – Но, как вам известно, сейчас в Godfrey & Jackson очень сложный период. Урезаются бюджеты, сокращений не избежать.

– Это какая-то бессмыслица! – У меня перехватывает дыхание. – А как же повышение? Я так старалась! Вы сами говорили...

– Что тут скажешь? – Она пожимает плечами. – Такова жизнь. Понадобится рекомендательное письмо – смело обращайтесь.

Спустя семь часов

Я сижу за своим бывшим столом. Где-то гудит пылесос. Я промокнула глаза в туалете и решила уехать домой, чтобы вернуться вечером и разобрать вещи при уборщицах, а не на виду у прежних коллег.

– Как самочувствие? – интересуется Джоанна, наблюдая, как я бросаю в оранжевый пакет шариковые ручки и прочий свой офисный скарб.

– Что за вопросы? – шепотом одергивает ее Брайан. – Придумала, что спросить!

– Хуже не бывает. – Я откидываюсь в кресле. – Такое ощущение, что со мной сыграли дурную шутку. Восемь лет гнешь на них спину – и вот расплата!

Я в ускоренном режиме прокручиваю в памяти годы работы в Godfrey. Как засиживалась допоздна, приезжала ни свет ни заря, как унижалась, шла на жертвы и на компромиссы, как уставала, как проглатывала несправедливые упреки.

Если честно, я никогда не любила свою работу, заведующую, всю эту культуру напряженного труда, но при этом хорошо освоилась со своей ролью и была эффективна на своем месте. Я никогда не жаловалась на однообразие анализа, необходимого для правильного проведения сделок. Никогда не отмахивалась от просьб о помощи от младших членов команды. Первой прибежала, последней уползала – и все равно оказалась слабым звеном в цепи.

В конечном итоге все мои усилия оказались напрасными.

– Хорошо хоть, что Брайана не уволили, – говорю я, пытаюсь отыскать в этой кошмарной ситуации хоть что-то положительное. Он обнимает меня за плечи своими длинными ручищами и зарывается подбородком мне в волосы.

– Зачем они указали тебе на дверь? Не знаю, как выживу без тебя. – Он, конечно, переигрывает. – Знаешь, Инка, меня оставили только потому, что я – недавний выпускник, дешевая рабсила. Не верю, что Мэри тоже выставили. Я чуть в обморок не упал, когда увидел письмо.

Да, сократили не только меня, но и кучу другого народу, включая Мэри, что сильно меня удивило. Ее год как повысили. Еще оказались не нужны Санджей и Бобби, Гейле и Тони. Последний даже не успел закончить стажировку.

– Как там с паблик-рилейшнз? – спрашивает Брайан, убирая руки. На моем кардигане остался запах его «Пако Рабанне».

– Понятия не имею. – Джоанна отправляет в ближайшую корзинку ком смятых бумажек для записок. – Но можешь мне поверить, я тянуть не стану, быстро все разнохаю. Прямо с этих выходных начинаю подыскивать себе другую работу.

Нервы у меня как натянутые канаты. Последний раз я искала работу, когда мне было двадцать с небольшим. И даже тогда я отдавала предпочтение вариантам для недавних выпускников, а не местам в компаниях. Теперь изволь обновлять резюме, прочесывать интернет, вылизывать свою страницу в LinkedIn, заново учиться поведению на собеседованиях и все такое прочее...

Я мучительно глотаю. От всех этих мыслей мне становится тошно.

– Ты жива? – спрашивает Джоанна, кладя ладонь мне на спину.

Я мотаю головой, гоня ужасную мысль.

– Знаешь... – Я тягостно вздыхаю. – Я только сейчас осознала, что стала безработной.

Мы надолго умолкаем. Мне больно сознавать свое новое положение, им, наверное, тоже больно за меня.

– Ты оглянуться не успеешь, как получишь новое место, – говорит Брайан, чтобы разрядить обстановку. Нам кивает проходящая мимо уборщица с ведром и тряпкой. – В твоём резюме банк Godfrey, а это крупный калибр и гарантия лакомых предложений.

– К тому же тебе не придется отрабатывать уведомительный срок, – вторит ему Джоанна.

– Ты больше не должна будешь иметь дело с Луизой – этому можно даже позавидовать! – Брайан разводит руками. – Худшей начальницы не придумать при всем старании!

– Точно, – вяло отзываюсь я. – Но я все равно предпочла бы не терять работу.

Брайан выпячивает губы.

– Хочешь, чтобы я вернул все это добро обратно в ящик? – Он указывает на разноцветные бумажки для записок, которые я выгребла наружу.

– Нет! – отвечаю я с неожиданным для самой себя чувством. – В пакет их, в пакет!

Мы принимаемся разбирать мои бумаги. Я стараюсь не обращать внимания на наворачивающиеся слезы. В последний раз я вижу этот стол, сижу в этом кресле, смотрю в два этих монитора. Наверное, так чувствует себя жена, получившая после непоправимой ссоры с благоверным документы на развод. *Нестерпимая несправедливость!*

Мы молча заканчиваем уборку и плотно набиваем мусорную корзину ненужными бумагами. Я встаю и задвигаю кресло под стол. Джоанна и Брайан опускают голову.

– Прощай, Godfrey & Jackson, – шепчу я. На последнем слоге у меня срывается голос. Я намерена произнести прощальную речь, но меня отвлекает вибрация телефона. Я выхватываю его из кармана, смотрю на экран и чувствую в горле горечь.

Проклятье! Это матушка.

Очередная проблема. Черт меня дернул напести ей о повышении...

Куда бы я девалась без любимой тетушки?

Четверг

История браузера:

Как быть при сокращении штатов?

Операционный вице-президент в инвестиционных банках вакансии

Бесплатные шаблоны для резюме Смешные видео с собачками

Я сижу в своем любимом кресле в кабинете тети Блессинг в ее таунхаусе в Поплар⁷. Здесь я всегда доверяю свои проблемы любимой тетушке в надежде на добрый совет и на помощь. Она умеет смотреть на вещи объективно. Тетя Блессинг мне как вторая мать. Она была рядом, когда умер папа: заплетала нам с Кеми косички, помогала с уроками, делала покупки. За долгие годы мы очень сблизились. С ней я даже откровеннее, чем с мамой. У мамы твердые установки, а тетя Блессинг умеет смотреть на вещи с неожиданной стороны: к примеру, она помогла мне с политическим лавированием на работе, не то что мама, просто сказавшая тогда: «Да вразумит тебя Господь!» Обычно я исполнена любви к своей тетушке – обычно, но не сегодня.

– ТЕТЯ! – Я недоверчиво смотрю на нее. Уж не ослышалась ли я? – Как можно говорить про увольнение, что «нет худа без добра»? Ты забыла, как мы вместе составляли мое прошение о повышении?

Пока я расписывала ей свою беду, тетя Блессинг курила свою любимую электронную сигарету, выпуская мне в лицо густой цитрусовый дым. Теперь она ее, к счастью, отложила.

– Все я помню, Инка, – отвечает она мне с завидным спокойствием. – Брось, тебе же никогда не нравилась твоя работа! Сколько раз, сидя в этом самом кресле, ты жаловалась на заведующую, на офисную культуру, на стресс?

Я морщусь.

– Вот я свою работу обожаю. – В знак искренности тетя Блессинг прижимает руку к груди, заставляя меня скорчить гримасу.

– Ты – другое дело. Ты прямо как Аннализ Китинг.

Она непонимающе хмурится.

– Это персонаж Виолы Дэвис в сериале «Как избежать наказания за убийство».

Она закатывает глаза.

– Не усложняй. Я просто говорю, что, может, пришла пора поискать другую работу. Восемь лет – длинный срок. Тебя дважды обманывали с повышением. Дважды! Честное слово, Инка, я удивлена, что ты так долго продержалась.

Я ковыряю носком туфли ковер. У нас с ней не первый разговор такого рода. Но с какой стати мне хотеть расставаться с одним из престижнейших банков мира? Godfrey & Jackson – все равно что Гугл в мире финансов.

– Надо двигаться вперед. Какие банки у тебя на примете? Oscar Larrson? Citi? Deutsche Bank?

Я виновато смотрю на тетю Блессинг.

– Понятно. Ты еще не начала искать.

– Меня только что уволили. Мне нужно несколько дней, чтобы прийти в себя.

Эти несколько дней я буду тупо смотреть телик, но в этом я ей не признаюсь.

Тетя Блессинг ставит меня на место суровым взглядом.

⁷ Район Лондона.

– Не трать время на жалость к себе и на скулеж. Что у тебя с финансами? Знаю, тебе выплатили выходное пособие, но на поиск новой работы может уйти не один месяц.

– У меня есть сбережения. И потом, в следующий выходной ко мне переедет Нана. Она поселится у меня во второй спальне и будет платить за проживание.

Кое-что я все-таки предприняла: вернувшись домой после разбора рабочего стола, позвонила Нане. Она сначала обрадовалась, а потом вспомнила, что должна мне посочувствовать.

– Если тебе понадобится помощь с подачей резюме или с деньгами – обращайся. – Тетя Блессинг вскидывает брови. – Я серьезно, Инка. Обращайся в любое время.

– Спасибо! – говорю я с улыбкой. – Куда бы я девалась без любимой тетушки?

Она открывает нижний ящик стола и прячет туда свою электронную сигарету.

– Как приняла известие твоя матушка?

Я виновато смотрю на нее.

– Ты ей не сказала! Почему? Она твоя мать.

– Еще не было времени, – лгу я. Не было и не будет.

«Инка, как же ты теперь найдешь себе хуз-банда? – заносит она, тормозя после каждого слова. – Как ты его найдешь, если ты безработная?»

– Обязательно ей расскажи, – возвращает меня к реальности тетя Блессинг. – Я знаю, а она нет – куда это годится?

– Расскажу, – отвечаю я, а сама думаю: «Нет уж, дудки! Даже Кеми не стану рассказывать, чтобы она не проболталась матери». К тому же я не сомневаюсь, что поиски новой работы не затянутся. Восемилетний опыт что-то значит.

– Знаешь что? – Тетушка откидывается в своем кресле-качалке и сует палец в свои густые натуральные волосы, поднятые в узел на макушке. – Я тут вспомнила, как ты после выпуска из университета отправилась в Перу.

– Было дело, – отвечаю я, гадая, к чему это.

– Вернулась оттуда и говоришь: хочу мол, работать в благотворительности. Что, если сейчас у тебя появился шанс?

Я фыркаю – а хотела засмеяться... Тетя Блессинг смотрит на меня с укором.

– Что здесь смешного?

– Тетя, я давным-давно раздумала работать в благотворительности.

– Тогда ты не сомневалась в своем решении, – не отступает она. – Я тут подумала: не вернуться ли тебе к тогдашнему намерению? Давно не видела тебя такой пылкой, как тогда!

Я перевожу взгляд на стеклянный приз, поблескивающий на полке. От воспоминаний десятилетней давности у меня уже кружится голова. Наверное, тетя Блессинг заметила мое состояние, поэтому не нарушает молчания.

После выпуска меня не тянуло сразу приступить к работе. В средней школе я света белого не видела, так хотела изучать в Оксфорде экономику и менеджмент. В университете я и подавно не вылезала из библиотеки. Поэтому «пропущенный год» я решила, махнув рукой на мамино недовольство, провести за границей. Нас было пятеро, я и еще четыре британца: Кэти, Джджо, Донован и Хейли. Мы трудились на международную благотворительную организацию «Акция 28». Чудесное было время! Мы снабжали бездомных в приютах едой и средствами гигиены и общались с ними на своем ломаном испанском. Мне особенно нравилось узнавать об их жизни и делать для них разные важные мелочи.

Вернувшись в Британию, я чуть было не отказалась поступать на работу в Godfrey, где для меня была зарезервирована позиция. Но мама ничего не хотела слышать.

«Ты с ума сошла? – взвилась она. – Зря, что ли, ты училась в Оксфорде? Чтобы клянчить деньги на улице, университет не нужен». (Увы, у нее было очень ограниченное представление о благотворительности.)

«Откуда ты возьмешь деньги на возврат кредита? – Так она отреагировала на мою попытку показать ей объявление о наборе в общенациональную организацию помощи бездомным Sanctuary. – Там тебе будут платить меньше гарантированного минимума. Ты готова ради этого отказаться от Godfrey? Хочешь всю жизнь жить с матерью?»

Ну я и пошла в Godfrey. Сказала себе, что отработаю там пять лет, отложу денег, получу ипотеку – и уволюсь. Приобретенные навыки позволят мне найти хорошее место в благотворительном секторе, предпочтительно – такое, на котором можно работать непосредственно с людьми. Я годами шла к поставленной цели. Даже целых три года работала по субботам в одном из приютов Sanctuary для бездомных. Неважно, дождь ли, солнце – по субботам я там. Получила, слава богу, ипотеку и в 27 лет съехала от матери. А потом, сама не знаю почему, я заколебалась, стоит ли мне уходить. Я поднималась по банковской служебной лестнице и уже не хотела перечеркивать все, чего достигла. И честно говоря, мне было комфортно в частном секторе. Моей волонтерской деятельности пришел конец.

– Что ты знаешь о тех, с кем ездила в Перу? – прерывает мои мысли тетя Блессинг. – Чем они заняты? Тот, другой черный, кажется, откуда? Поговори с ним про работу.

– Донован?.. – Я пожимаю плечами. – Понятия не имею. После возвращения я потеряла со всеми ими контакт. – Странно, конечно, что за все эти десять лет я не сталкивалась ни с Донованом, ни с Хейли, хотя оба – жители Южного Лондона. Насчет Донована я, правда, не жалею: он нравился мне меньше остальных. – Так или иначе, это в прошлом, – заключаю я, встречаясь с тетей глазами. – Мне лучше сосредоточиться на банковском секторе, там я как рыба в воде.

– Сосредоточься, раз тебе так лучше. – Тетя Блессинг пожимает плечами и трет пальцами набрякшие веки. – Что ж... – Она встает. – Принимайся за поиск работы. Нечего гримасничать, действуй. Хочешь – бери мой ноутбук. – Она что-то пишет на клочке бумаги. – Вот мой пароль. Вот это – цифра 5, а не буква S, не перепутай.

Я плетусь к ее столу.

– Если я тебе понадоблюсь – я буду в гостиной.

– Спасибо, тетя!

У меня уходит час на обновление своей странички в LinkedIn и на отправку резюме в пару рекрутинговых агентств. На этом у меня иссякают душевные силы (вернее, меня настигает приступ негативизма). Я захожу в соцсети и нахожу там странички двух друзей по Перу, Хейли и Джоджо. Оказывается, любоваться фотками с молодоженами и младенцами – скучное занятие.

Озираясь, словно затеяла что-то противозаконное, я быстро печатаю в строке поиска «Феми Аджайе».

«Ностальгическое» – так озаглавлена самая свежая его запись. Я заранее морщу нос.

На фотографии ладонь Феми с шоколадкой Yorkie. Феми – не любитель постить в интернете фотки, я знаю это не потому, что слежу за ним (честно – не слежу!), а потому, что мне не приходят уведомления о его активности.

Я чешу подбородок. Может, он скучает по Британии? Насколько я знаю, в США шоколад Yorkie не продается.

Не в силах справиться с собой, я проверяю все, что он запостил. Тревожно то, что почти все его альбомы и обновления статуса – не свежее двух лет. Нана права, Фейсбук выходит из моды. Станный выбор – поместить фотографию именно с моим любимым шоколадом...

Вдруг он скучает по дому... по прошлой жизни... по мне?

– Можешь поцеловать мой черный зад, Феми! – ворчу я с театральной неестественностью. – Постелил себе постель – иди, валяйся.

Еще разок гляну на его фотографии – надо же, ему идет борода!.. Что за резкий звук? Похоже на уведомление, только не в Фейсбуке.

Я смотрю на верхнюю рамку экрана. Зачем тетя Блессинг оставляет так много незакрытых вкладок? Неудивительно, что у нее такой медленный интернет.

Резкие звуки продолжают. Вдруг это подгружается какой-нибудь мусорный сайт, как при попытке посмотреть онлайн-кино?

Я перебираю тетушкины закладки – Амазон, соцсети, «удаление волос на подбородке» – и уже готова сдаться и просто отключить звук, но палец замирает над клавишей.

Экран заполняют от края до края окошки с мужскими физиономиями. *Профессионал элитного знакомства...* Вот это да!

Все мужики годятся мне в отцы. Черные, белые, азиаты, метисы... В одном окошке слева я вижу тетю Блессинг.

Так-так... Тетушка знакомится в интернете! Почему-то я шокирована. Блессинг, сама самоуверенность! Счастливая, ничем не связанная, независимая женщина!

У меня теснит в груди. Не знала, что тетя Блессинг все еще надеется найти любовь. Я думала, что она приняла свое одинокое существование. Что оно для нее даже предпочтительнее. Впрочем, я никогда ее об этом не спрашивала.

Резкий звук раздается снова, и теперь я знаю его источник: некий Джаз, на которого я навожу мышкой курсор, прямо сейчас шлет тете Блессинг свое настойчивое послание.

– Сейчас принесу ручку, – доносится до меня голос приближающейся тетушки.

Я слепо мечусь по закладкам, чтобы поскорее вернуться на страничку LinkedIn.

Скрип двери.

– Извини, что помешала, Инка. Мне надо кое-что взять.

Я снова отворачиваюсь к ноутбуку.

Прижимая к груди телефон, она наклоняется к столу. В стаканчике дребезжат ручки. Я жду, чтобы она выпрямилась, но ожидание затягивается.

– Инка!..

– Сейчас все объясню! – Я разворачиваюсь в кресле, чтобы попросить прощения за нарушение ее приватности, но краем глаза замечаю картинку на экране.

– Зашла в Фейсбук? На страничку Феми?

Я облегченно хихикаю. Тетушка подмигивает.

– Ну, Инка!.. – Своему телефонному собеседнику она говорит: – Учю жизни племянницу.

– Я сделала небольшой перерыв. – Закрываю Фейсбук и возвращаюсь в LinkedIn. – Велика важность! Просто стало скучно.

Тетя окидывает меня изучающим взглядом и, вооружившись ручкой, оставляет меня одну.

– Простите... – говорит она в телефон.

Я дожидаюсь, пока стихнут ее шаги. Думаю, она спустилась вниз.

Вскоре после ее ухода противные звуки возобновляются. В этот раз я без промедления вырубая звук. Пронесло...

Ну и вечеринка!..

Пятница

История браузера:

Лайфхаки по знакомству с мужчиной – Your Tango
Эксперт по отношениям подсказывает, как встретить парня в реальной жизни – Daily Mail

МЫ НА КРЫШЕ!

МИЛОСТИ ПРОСИМ!

Я недоуменно читаю написанное толстым черным фломастером на двери квартиры Рейчел и Гавеша.

Я готовилась к милому, уютному общению в помещении, и на тебе, карабкайся наверх и мерзни там! Пакет с удвоенной дозой напитков (результат акции «два по цене одного») уже оттягивает руку. Я бреду к лифту и жму на кнопку.

В кабине широкое зеркало, не захочешь – начнешь изучать свою внешность. Намечалось нечто скромное, не претендующее на громкое название «вечеринка», отсюда мой вид, не потребовавший почти никаких усилий. Ориентируясь на Рианну, я надела маечку с логотипом «Игры престолов» под шерстяной кардиган, узкие джинсы и обувь без каблуков (на каблуках у меня все равно ничего нет). Остается только вздохнуть: до Рианны я все равно не дотягиваю.

Когда двери лифта закрываются, я вспоминаю про операцию «Кавалер для свадьбы», которую пришлось отложить на несколько дней, чтобы пережить шок от увольнения. Если верить статье в Daily Mail, протудированной перед уходом, процесс знакомства с парнем состоит из четырех этапов.

Шаг первый: хороший зрительный контакт. Шаг второй: улыбка. Шаг третий: разбить лед разговором об обстановке или, если ты очень смелая, комплиментом его одежде. Четвертый шаг д-р Никол называет «поворотным моментом»: ты приступаешь к прямым вопросам и решаешь, как быть дальше. Если он не открывает свои карты, отвечает лаконично, если энергетика на нуле, то пускай идет куда подальше: ему неинтересно; если же он, наоборот, проявляет интерес и сам начинает задавать вопросы, то это может сулить продолжение и развитие.

Выйдя из лифта, я глохну от «афробита», в котором тонут болтовня и смех.

Тааак... Я иду по узкому коридору к двери, из-за которой несетя весь этот тарарам.

Самая что ни на есть вечеринка: с диджеем, наружными обогревателями, китайскими фонариками. На стенах развешаны всевозможные поздравительные лозунги, роль бара играют два составленных вместе раскладных стола.

А народу-то, народу!

Причем хорошо одетого, что сразу бросается в глаза: женщины в разноцветных туфлях на высоких каблуках, мужчины в рубашках одна другой цветастее.

Куда же мне деваться в моей майке с «Игрой престолов»? Клянусь, я убью Нану, как только она появится! Надо же мне было так сглупить... И с чего я взяла, что оделась правильно?

Я верчу головой, не зная, куда бежать, как вдруг знакомый голос обращается ко мне по имени:

– Инка! Иди сюда, давай обнимемся!

Я оглядываюсь. Моя кухня Рейчел подплывает ко мне как богиня: зеленое платье с блестками, густые собственные волосы, модный макияж.

– Рейчел! Шикарно выглядишь!

Хотела объятий? Получай!

Он прикусывает пухлую нижнюю губу.

– Ты уверена? Платье не узковато?

Я с видом специалистки хмурю брови.

– Уж поверь мне, сногшибательный вид. А волосы, волосы... Высший класс! – Обе мы хотим. – Кеми просит ее извинить: день рождение свекрови, уважительная причина. А я принесла вот это. – Я отдаю ей свой тяжелый пакет.

– Выпивка? Как кстати! – Рейчел заглядывает в пакет. – Без градуса?.. Узнаю тебя, Инка.

Я шлепаю ее по руке, она притворно вскрикивает.

Я пробегаю взглядом по толпе и спрашиваю ее на ухо:

– Ты говорила Нане, что сегодня вечером соберется маленькая дружеская компания?

Рейчел хихикает.

– Говорила – чтобы она не вздумала опоздать. Сама знаешь, как она ненавидит толпы.

Я притворно хихикаю. Так неудачно одеться – это ж надо было постараться... Кому захочется смотреть на меня такую? Вот незадача! Если бы у нас с Рейчел был одинаковый размер, я бы попросила у нее какое-нибудь из ее платьев, но где там?

– Дай еще раз полюбоваться твоим колечком! – прошу я ее с лучезарной улыбкой. Она уже протягивает руку, но тут материализуется ее жених.

Гавеш и Рейчел – пара всем на зависть. Они познакомились в университете – Гавеш учился на медика, Рейчел – на журналиста; вот уже больше десяти лет они вместе. Эта пара – врач и журналист – смогла арендовать чудесную квартиру в районе Бермондси. С ними живет мопс. Они даже одеваются в одном тоне: на Гавеше сейчас тоже темно-зеленый костюм.

– Поздравляю, Гавеш! – Я обвиваю руками его шею, чудом не задев его мастерски взбитый чуб. – Наконец-то ты ее окольцевал. – Рейчел как по приказу начинает вращать рукой, подражая Байонсе.

– Лучше поздно, чем никогда, – раздается бас у меня за спиной.

Мы дружно оборачиваемся. К нам движется муж Олы. Рядом с ним семенит Ола с огромным букетом. Мне не удается сохранить на лице улыбку.

– Джонатан, дружище! – Гавеш заключает его в объятия, они хлопают друг друга по спине – можно подумать, что один из них подавился хот-догом.

Рейчел приветствует Олу так, будто они не виделись много лет: издает пронзительный визг и прыгает на нее, чудом не сбив с ног.

– Ну зачем?.. – Она принимает букет как хрупкого новорожденного.

Поздравительная открытка, купленная в Card Factory за 99 пенсов, лежит у меня в сумочке по соседству с недоеденной булкой с сосиской из Greggs. «Потом вручу, – решаю я, теребя себе мочку уха. – Или куплю другую».

Закадычные подруги хвалят наряд и туфли друг друга (Ола тише, Рейчел громче). Я выжидательно смотрю на Олу.

– Прости, Инка, не сразу тебя заметила. – О на обнимает меня, мне в рот попадают ее духи и даже локоны парика.

В прошлую субботу ты честила меня на чем свет стоит, а теперь мы обнимаемся, как будто все в порядке?

Как ни грустно, у нас с Олой так заведено с подростковых времен: мы замечаем разногласия под ковер, а Рейчел делает вид, что мы отлично ладим. Я сохраняю спокойствие. Возможно, ей тоже досталось. Ее мать не дала и ей спуску у Кеми.

– Мои поздравления, Гавеш! – Ола обнимает жениха Рейчел. Я здороваюсь с ее мужем.

– Как я погляжу, ты постриглась, – говорит мне Джон. Мы давным-давно не виделись.

Я инстинктивно трогаю свои курчавые волосы типа 4С⁸.

– Было дело, только прошло уже несколько месяцев. Потребовалось себя переломить. Маме не очень понравилось, – отвечаю я со смехом.

– Могу себе представить! Помню, какие длинные волосы ты носила в университете. Но короткие тебе тоже к лицу.

– Ну как, голубки, договорились о свидании? – спрашивает Ола после того, как я благодарю Джона за комплимент.

Рейчел и Гавеш переглядываются с таким видом, будто готовят для нас новое объявление.

– Мы поженимся в июле, – сообщает Рейчел, отдав Гавешу мой тяжелый пакет. – В июле этого года.

– В ИЮЛЕ? – недоверчиво переспрашивает Джон, как будто это ему через полгода идти под венец.

Гавеш смеется. Я вглядываюсь в толпу. Обзаведусь ли я парнем за оставшиеся полгода?

– Ничего удивительного, – говорит Гавеш, и я перевожу взгляд на него. – Прошло девять лет, прежде чем я решился сделать предложение.

– Не девять, а десять, – поправляет его Рейчел.

– Тем более, чего еще тянуть? Вы с Олой вообще поженились через три месяца после помолвки, – говорит Гавеш Джону.

– Верно, но на то имелись, как тебе известно, особые причины. – Он делает жест, изображающий большой живот. – Все мы знаем, как относятся к таким вещам родители.

Никто, кроме Джона, не смеется.

– Мне нужно в туалет, – говорит Ола, негодуяще глядя на мужа. – Рейчел, дом не заперт?

– Ключ под ковриком. Я с тобой. – Они берутся за руки. Я жду, что Рейчел позовет и меня, но они уходят вдвоем.

– Что я такого сказал? – спрашивает Джон, когда они удаляются.

Гавеш хлопает его по плечу.

– Никогда не буду прислушиваться к твоим советам о супружестве. А сейчас с радостью смешаю для тебя коктейль. Инка, что тебе?

Я качаю головой.

– Ничего, лучше я потом. – Сейчас мне хочется от всех спрятаться.

«Как вы познакомились с обручившимися?»

После двух неудачных попыток дозвониться Нане – наверное, она едет в метро – я приваливаюсь к стене и глубоко дышу. Не представляю, как здесь с кем-то познакомиться. Я чувствую себя совершенно непривлекательной. Наверное, придется запустить мой план когда-нибудь потом.

«Кончай со своим узколобым консерватизмом, Инка!» – звучит у меня в голове голос Олы. Потом я воображаю худшее: что тетя Дебби молится за конец моего одиночества на свадьбе Рейчел.

Я дышу носом. Ни шагу назад!

Я задираю подбородок и окидываю взглядом крышу. Большинство мужчин стоят кучками, совсем как в баре, немногие танцуют. Так... Пристало ли мне к ним присоединиться? Наверное, это выглядело бы неуклюже. Не хватало, чтобы какая-нибудь из танцующих женщин вцепилась мне в волосы!

Я со вздохом сворачиваю влево – и чуть не спотыкаюсь от неожиданности. В паре футов от меня стоит у стены мужчина. До чего же он хорош! Такого, в простой рубашке с короткими рукавами, я бы охотно представила моей матери. На пальце нет кольца. *Спасибо, Иисус!*

⁸ 4С – один из типов волос. Чаще всего встречается у людей африканского происхождения. Непослушные и жесткие волосы, локоны которых могут иметь форму спирали.

Я инстинктивно отвожу глаза, но в следующую секунду вспоминаю статейку в Daily Mail. Зрительный контакт, улыбочку!

Я медленно поворачиваю голову, стараясь не походить на куклу со свернутой шеей. Интересный мужчина проверяет свой телефон, прихлебывая из банки 7Up и слегка приплясывая под музыку.

Обалдеть.

Я трачу пять изматывающих секунд на колебания, а потом решаюсь обойтись без первых двух шагов. Сразу делаю третий шаг – высказываюсь об обстановке.

– Вам тоже нравится? – спрашиваю я громко и удачно: мужчина отрывает глаза от телефона. Я чуть заметно двигаюсь в такт музыке. Он хмурится. – Джей Коул⁹. – Я делаю шагок вперед. – Видела, вы пританцовывали.

Он понимающе улыбается.

– Это точно. – Я рада, что лед сломан. – Коул – это классно. Это ваш любимый альбом? Я не могу выбрать между Forest Hills Drive и The Blow Up. Хотя и Warm Up – хороший альбом. А вы что предпочитаете?

Моя заготовленная улыбка превращается в застывшую маску. Меня занесло. Я знаю парочку хитов Коула, но не готова прикидываться поклонницей хип-хопа.

– Эээ... последний, – храбро отвечаю я. – Бомба, а не альбом! – *Ты серьезно, Инка? Бомба?* – Я Инка. – Протягиваю руку, он ее пожимает.

– Карл, – представляется он с довольной улыбкой.

– Как вы познакомились с обручившимися?

– Через мою девушку.

Сердце у меня падает примерно на уровень колен.

– Она работает с Рейчел, – продолжает Карл. – А вот и она!

Я уже думала, что опуститься еще ниже мое сердечко уже не сможет, но тут к нам подходит стильно одетая женщина. На ней дорогой кожаный пиджак, на голове цветастый тюрбан; однажды я тоже пыталась такой завязать, но не смогла. Вообще-то он похож на ананас причудливой формы.

Карл знакомит нас. Его девушку зовут Талиша.

– Простите, что помешала. – Она берет меня за локоть и поворачивается к Карлу. – Сфотографируешь меня с парой? И с Карлом. – Она дает мне свой телефон. – Тебя не затруднит, Инка?

Минут пять я работаю фотографом, потом нехотя присоединяюсь к одной из групповых фотографий. Заняв свое нагретое место у стены, я не чувствую желаний продолжать поиск кавалера. Локти саднит от прикосновения к бетону. На фоне ночного лондонского неба выделяется сияющий небоскреб в бизнес-центре Canary Wharf, где помещается банк Godfrey & Jackson, рядом высится башня с мигающим маяком.

У меня дрожат губы.

Переживать? Дудки! Я расправляю плечи. Не хватало расстроиться на помолвке кузины. К тому же у меня есть повод для оптимизма: я уже отправила две заявки о работе и уверена, что как минимум на одну скоро получу положительный ответ. Молитва, вера, оптимизм – вот мое кредо.

– Инка? Какими судьбами?

Я отрываю взгляд от горизонта и смотрю вправо.

– Дерек?

Он бросается на меня и так сильно обнимает, словно собрался раздавить. Я в ответ вяло похлопываю его по спине.

⁹ Американский исполнитель хип-хопа.

– Надо же, мы оба – фанаты «Игры престолов»! – Он тычет пальцем в свою майку, ничем не отличающуюся от моей.

– Выходит, так. – От своей я бы прямо здесь избавилась, если бы позволяли приличия. Я складываю руки на груди. – Откуда ты знаешь Рейчел и Гавеша?

– Мы с Гавешем работаем в одной больнице, – объясняет с улыбкой Дерек.

– Как тесен мир... – Я откашливаюсь. – Ты, кажется, медбрат?

– Ты помнишь! – радостно улыбается он.

Ерунда! Вечно все принимают мою цепкую память, от которой мне самой несладко, за навязчивость. Некоторые считают, что помнить – значит питать нежные чувства. Я бы дорого отдала, чтобы стать пустоголовой.

– А ты откуда их знаешь? – Он скребет лысеющую голову. – Дай угадаю. Вы с Рейчел коллеги?

– Мы с ней двоюродные сестры.

– Ничего себе! С материнской стороны?

– С отцовской.

Он кивает и, опираясь о стену, спрашивает:

– Когда снова пожалуешь в церковь Всеобщего Радушия?

Простой, казалось бы, вопрос, но я затрудняюсь с ответом.

– Не в обозримом будущем, – отвечаю я, стыдясь своего формализма. – Я теперь посещаю другую церковь, близко от дома, в Денмарк Хилл. Слушай, Дерек, ты хочешь пить? Я хочу. Принести тебе что-нибудь?

– Давай лучше я.

– Джин-тоник, пожалуйста.

– Я мигом.

Он целится в меня указательным пальцем, я сдуру повторяю его жест. Наконец-то он отходит. Вечерок грозит затянуться. Я со вздохом смотрю в небо. *Господи, я хотела познакомиться с новым парнем, а не тратить вечер на болтовню с Дерексом!*

От огорчения я выхватываю телефон, чтобы отправить сообщение Нане, но вдруг вижу у двери женщину невероятной привлекательности; судя по ее виду, она пришла сюда одна. Шикарная фигура, платье горчичного цвета в обтяжку, очень светлая кожа. Она приглаживает волосы жестом Николь Шерцингер в рекламе шампуня.

Женщина невероятной привлекательности смещается в мою сторону, и толпа расступается, как расступались воды Красного моря по мановению Моисея.

– Вот черт!.. – раздается восторженный мужской голос: бедняга тарачится на ее зад.

Я почему-то смотрю на Олу. Она тоже заметила мерзавку, потому что вызывающе уставилась на Джона, как бы говоря: «Только попробуй!»

Явно не подозревая о своей способности, ничего не делая, заставить всех прирасти к месту, женщина невероятной привлекательности останавливается неподалеку от меня и налегает локтями на перила. Я невольно смотрю на ее зад.

Как сказано, мой зад смахивает в профиль на букву J, зад Кеми – на D; зато у этой нахалки зад на R: дерзкий, пышный, торчком. Ирония в том, что я не могу отвести от этого нахальства глаза. Не удивлюсь, если оно у нее накладное.

– Меня зовут Латойя.

Никуда не денешься: она протягивает мне руку. Вот незадача!

– Я Инка. – Я с воодушевлением трясусь ей руку. У нее вдобавок ко всему светло-карие глаза.

– Давно ты здесь? – Она поправляет волосы – явно натуральные.

– Меньше часа. – Сейчас моя задача – не сойти за лесбиянку. Черт, ну и вид у нее – чисто модель из интернета. – У тебя акцент! – спохватываюсь я. – Ты ведь не из Британии?

Латойя улыбается, показывая безупречные зубы.

– Нью-Йорк.

– Чудесно.

– Бывала у нас?

– Кто, я? Ни разу. Знаю там одного... – Я озираюсь. – Откуда ты знаешь виновников торжества? – Вижу, на меня уже смотрят сразу несколько мужчин. Правильнее сказать, не на меня, а не нее.

– Я их не знаю, – отвечает она без малейшего смущения. – С ними знаком мой жених. Он скоро поднимется сюда, ищет внизу, где припарковаться.

Она показывает мне свое кольцо с бесстыже огромным бриллиантом.

– Вау! Поздравляю! Вы живете здесь? – Прежде чем спросить об этом, я уделяю достаточно внимания кольцу и интересуюсь, где ей сделали предложение. Оказалось, что в Центральном парке – ооочень романтично.

– Нет, мы прилетели ненадолго, – отвечает она небрежно. – Через два дня уже назад.

– Вот оно что... Чем вы тут занимаетесь?

Латойя выгибает шею. Не уверена, что она расслышала вопрос.

– Как все туристы, – отвечает она. – Посещали достопримечательности. Но главной целью было познакомиться с его родней. Раньше мой жених жил здесь.

– Так он из наших, местных!

Она опять отворачивается.

– Еще бы! Он знает Лондон как свои пять пальцев. Очень удобно! Прости меня за невежливость: я просто высматриваю его. Никак не поднимется.

– Что ты!.. – Я машу рукой. – Высматривай на здоровье.

Она вертит головой. Я поражаюсь тому, какие красивые у нее скулы.

– Детка!.. – вскрикивает она. – Давай сюда!

Я смотрю туда, где возник ее жених, и чудом не грохаюсь в обморок. Он – не кто иной, как мой бывший дружок Феми.

Мое хрупкое эго

Я отворачиваюсь, как разыскиваемая преступница-беглянка. Сердце колотится, как у скаковой лошади в финальном забеге. Чтобы не упасть, я хватаюсь за перила.

Латойя, не замечая мою паническую атаку, зовет Феми по имени и вцепляется в мое запястье.

– Сейчас познакомлю тебя с моим женихом. – Она тянет меня за собой.

Я не успеваю возразить. Мы уже останавливаемся. Я опускаю голову.

– Инка? – произносит Феми почти вопросительно.

Я медленно поднимаю глаза.

Знаете, Феми всегда был очень хорош собой: зубы, глаза и далее по списку. Особо не следил за модой, но всегда подбирал рубашку к джинсам. Но сегодня... Сегодня Феми превзошел себя. Он поднялся на несколько ступеней. Когда мы встретились, у него был телефон Blackberry, а теперь у него наверняка айфон.

– Привет... – полуобморочно хриплю я, восхищаясь его белоснежной рубашкой и мускулатурой – при мне он такой еще не накачал.

Латойя переводит взгляд с него на меня.

– Мы с Инкой раньше встречались, – быстро произносит Феми, кашляет, смотрит на нее с таким видом, словно говорит: «Я тебе про нее рассказывал...»

Латойя бледнеет.

– О!.. – Она смотрит на меня, прикрыв ладонью рот. – Ну и ситуация... Мы с Инкой уже пять минут болтаем.

«До чего хороша! – невольно говорю я себе. – И совершенно не похожа на меня».

– Хорошо выглядишь, – нарушает мои мысли Феми.

– Спасибо, – машинально откликаюсь я, а сама при этом думаю: «Хорошо» – это не комплимент. Так говорят скорее какой-нибудь старушке».

– Как я погляжу, ты постриглась. – Феми разводит руками, я трогаю волосы в ожидании дальнейших комментариев. Он больше ничего не говорит, и я ненавижу себя за обидчивость.

– Ты обручился! – выпаливаю я.

Феми молча открывает и закрывает рот, утвердительно кивает.

– Три недели назад, – зачем-то уточняет он.

Без году неделя! Ясно, что он привез сообщение об этом своей родне. Я вспоминаю его пост насчет «ностальгии». Теперь все становится на свои места.

– Поздравляю! – говорю я неожиданно для себя высоким, каким-то дельфиньим фальцетом.

Феми чешет в затылке.

– Рад был повидаться. – Мы смотрим друг на друга, думая одно и то же: «Стоит или не стоит обняться?» К счастью, решение принимает за нас Дерек, появляющийся с двумя полными бокалами.

– Прости, что заставил ждать, – говорит он, задыхаясь. Я вижу, что одна его штанина мокрая. – Небольшое происшествие, – объясняет он. – Не такое, как ты подумала.

Я корчу гримасу: мой бокал оказался липким.

– Спасибо... – выдавливаю я.

– Никаких проблем. – Заметив Феми и Латойю, Дерек сокрушается: – Прошу прощения, где мои манеры? – Вытерев руку о сухую штанину, он представляется: – Я Дерек. А вы?..

– Феми. – Они обмениваются рукопожатием, и я пытаюсь понять по лицу Дерек, помнит ли он, кто такой Феми. Если помнит, то успешно это скрывает.

– А это Латойя, моя невеста. – Ладонь Феми застывает в дюйме от ее ягоды, и мое сердце трепещет.

– Рада познакомиться, – откликается Латойя и вежливо машет Дереку. Как ни странно, ей не так хочется сбежать, как Феми.

Дерек снова вытирает ладонь о штанину.

– Вы ничего не пьете! – вдруг замечает он. – Что вам принести? Колу, шампанское?

– Мы сами, – торопливо отвечает Феми, но Латойя успевает ответить: – Шампанское.

Феми косится на нее.

– Что такого? – Она пожимает плечами. – Человек предложил.

– Шампанское для леди, сию минуту, – говорит с улыбкой Дерек.

Провожая его взглядом, я вижу, как он приплясывает под музыку.

– Настоящий джентльмен, – говорит Латойя, подмигивая. Я застигнута врасплох и неуклюже бормочу:

– Наверное.

– У вас одинаковые майки, – говорит мне Латойя. От новой неожиданности я давлюсь. – Выкладывай, что у вас за история. Давно вы вместе?

– Мы не вместе, – хриплю я.

– Неужели? – Она испытывает замешательство. – Прости, вы оделись одинаково, вот я и подумала...

– Ничего страшного. – Я машу рукой и киваю, чувствую испытующий взгляд Феми.

– Ну-ка, ну-ка... – осторожничает Феми. – У тебя кто-нибудь есть?

Я возмущенно хлопаю ресницами. Что еще за вопрос? Вообще-то я слишком хорошо знаю Феми, чтобы не удивляться его бесцеремонности. Он – добрая душа и задает этот вопрос потому, что ему небезразлично, оправилась ли я после его ухода три года назад.

Допустим, я скажу ему правду, что это даст? Честно говоря, мне нет дела до его отношения к моему одиночеству. Гораздо больше меня беспокоит мое хрупкое эго.

– Кое-кто, – вру я с наглой улыбкой.

Феми облегченно выдыхает.

– Ты молодчина, Инка. Где этот счастливчик? – Он радостно озирается.

Я поджимаю губы. Час от часу не легче!

– Дома. – Лучше так, чем выхватить из толпы первого встречного. – Приболел, бедняга. Но все быстро пройдет... – вынуждена я сдать назад из-за его озабоченного выражения. – Ничего не поделаешь, «мужской грипп».

– Действительно, вот бедняжка! – искренне сочувствует Латойя. – Обязательно передай ему от нас пожелания выздоровления!

Я улыбаюсь и киваю. *Бежать сломя голову, немедленно!*

– Все равно, я рада знакомству.

Не дав мне договорить, Феми спрашивает:

– Как его зовут?

Я моргаю.

– Как зовут?.. Алекс... Мы вместе семь, нет, восемь, нет... Девять месяцев. Да, именно девять. – Я судорожно глотаю.

– Чудесно. – У Феми довольный вид. Наверное, он забыл, что творится с моей физиономией, когда я вру.

– Пора, наверное, ему позвонить. – Я достаю и показываю телефон. – Проверить, ни помер ли часом.

Феми одобряет мое решение, Латойя прощально машет мне рукой.

– Рад был повидаться, Инка, – говорит Феми.

Я рада была бы ответить тем же, но это превыше моих сил, поэтому я что-то мычу и удаляюсь с максимальной скоростью, на которую способны мои подкашивающиеся ноги. Увидев Рейчел, я маню ее к себе.

– Здесь Феми, – шепчу я.

– Кто?.. – Рейчел не понимает, о ком речь. Она слегка пошатывается – видать, захмелела; в руке у нее пустой бокал.

– Феми. Мой бывший бойфренд Феми. – Я зажимаю ей голову ладонями.

Так до нее лучше доходит.

– Что ему здесь понадобилось?

– Это я задаю тебе этот вопрос. – Знаю, Рейчел не в чем винить, но она – хозяйка и должна знать, кого приглашает. – Ты знала, что он придет? Знала, Рейч? Знала?

– Нет! – Рейчел искренне удивлена. – Гавеш тоже не знал. Знал бы – предупредил бы меня.

– Брателло, откуда ты взялся?

Мы оглядываемся на Гавеша, схватившегося за голову. Он, как и его брат Санджив, поражен появлением Феми не меньше нашего.

– Вот видишь! – укоряет меня Рейчел.

– Вижу. – Я отворачиваюсь. – Представляешь, Рейчел, у Феми невеста! Он здесь с ней.

– Как, уже? – Рейчел корчит гримасу. – Он не терял времени.

– В каком смысле? – настораживаюсь я.

Рейчел спохватывается и закрывает ладонью рот.

– Подожди. То есть ты знала, что у Феми есть подружка? Знала и скрывала от меня? Давно ты это знала?

Я снова убеждаюсь, что она нетрезва. Она загибает пальцы, считая месяцы, но я прерываю это ее занятие.

– Как ты узнала, Рейчел?

В этот раз она не медлит с ответом:

– В Инстаграме.

Действительно, где же еще? Странно, что я осталась в неведении.

– В Инстаграме Санджива, – уточняет Рейчел. – Она подносит к губам пустой бокал и разочарованно хмурит лоб. – Месяца три назад. Санджив сказал тогда, что они только что познакомились.

– Что?! – Я не верю своим ушам. – И ты от меня скрывала?! То есть они вместе всего три месяца?

Я переживаю внетелесный опыт: вокруг меня все меркнет. *Два года!* – говорю я Феми. – *За два года ты ни разу не почувствовал, что я – твоя избранница.*

– Ты в порядке? – спрашивает Рейчел, кладя руку мне на плечо.

Тут нас перебивают.

– Кто-то умер? – Это Нана. Она обнимает Рейчел и вручает ей бутылку просекко.

– Это то, чего мне не хватает. – От удовольствия Рейчел высовывает язык.

Нана поворачивается ко мне и хмурится. На ней кричащий комбинезон с широким поясом, в каждом ухе по десятку сережек.

– Что с тобой? – интересуется она. – Соскучилась по мне?

Рейчел откашливается.

– Здесь Феми.

В отличие от Рейчел, Нана не нуждается в дальнейших разъяснениях. Она качает головой.

– Сдохнуть легче! – произносит она едва слышно. – Брось, милая, ты давно махнула на него рукой, верно?

– Нана, он обручился... – шепчу я. Нана беззвучно, по-рыбьи округляет рот и привлекает меня к себе.

Рейчел сует бутылку просекко себе под мышку.

– Шла бы ты отсюда, – советует она мне.

– Как это? С твоей вечеринки?

– Ну и что! Завтра, проснувшись, я все равно не вспомню, кто приходил меня поздравить. – Она хватается за бутылку за горлышко и опасно ею размахивает. – Даю слово, сегодня я дам жару!

Не знаю, каким образом мне удастся выдавить улыбку.

– Спасибо, кузина! – Я обнимаю Рейчел.

– Хочешь, я уйду вместе с тобой? – предлагает Нана.

Я мотаю головой.

– Спасибо, не надо.

– Лучше я пойду с тобой, – настаивает она.

– Пожалуйста, Нана! Я хочу побыть одна.

Я кошусь на Феми и сразу спохватываюсь: лучше бы я этого не делала! Он кладет пятерню ей на спину и привлекает ее к себе. Они целуются. Это не мимолетный, а нескончаемый поцелуй, при виде которого я едва не падаю. Я проталкиваюсь сквозь толпу, заскакиваю в лифт. Там я даю волю слезам. По щекам катятся здоровенные слезы, сердце готово лопнуть.

Коррекция плана

Нана:

Привет, милая, надеюсь, ты в порядке.

Если хочешь поговорить, я готова. Если ты предпочитаешь, чтобы я больше никогда не произносила имя Феми, я и на это готова.

Лишь бы тебе было хорошо.

Я просыпаюсь среди ночи в темной комнате и не могу шелохнуться. Достая из-под подушки телефон, включаю его и читаю сообщение от Наны. Потом сердце начинает колотиться как сумасшедшее: мне пришло голосовое сообщение с незнакомого номера.

Привет, Инка, это Феми. Я просто хочу сказать, что рад был повидаться... Не буду врать, я нервничал, прежде чем прийти. Санджив сказал мне о помолвке и вечеринке, но я ответил, что вряд ли смогу прийти... а потом передумал. В общем, очень жаль, что нам не удалось нормально пообщаться. Я тебя искал, но Рейчел сказала, что ты ушла. Наверное, к своему бойфренду с его «мужским гриппом». (Он посмеивается, потом откашливается.) Я рад, что ты нашла себе человека. Мы оба заслуживаем счастья... Через два дня я возвращаюсь в Нью-Йорк. Думаю, в июле мы увидимся. Может, на свадьбе ты познакомишь меня с Алексом. Береги себя, Инка. Забыл спросить, как твоя семья? Знаю, твоя мать терпеть меня не может, но я все равно надеюсь, что она в порядке. Как работа? Все еще Godfrey? Я болтаю уже больше минуты. Все, пока.

Голос умолкает, и я замороженно смотрю на телефон. Аватар Феми – он и Латойя; я борюсь с побуждением увеличить фотографию. Чтобы не делать этого, я включаю свет и иду за блокнотом и ручкой. Необходимы решительные действия, срочно!

«Операция «Кавалер для свадьбы». Мой план, как раздобыть себе кавалера для свадьбы Рейчел В ИЮЛЕ!»

Цели	Задача	Срок	КПП
→ Личное знакомство	→ Попытаться завести разговор с любым одиноким мужчиной на помолвке у Рейчел	→ Следующая пятница	→ Обменяться номерами телефонов
→ Виртуальное знакомство	→ Зарегистрироваться на онлайн-сайте знакомств в случае неудачи знакомства на помолвке у Рейчел	→ Конец января	→ Обмен номерами, телефонный разговор, свидание

• Воспользоваться советом тети Дебби и познакомиться с Алексом!!!	• Поехать завтра к маме и дать ей понять, что я передумала • Пойти в воскресенье в церковь Всеобщего Радушия	• На этой неделе	• Бог знает

Ты такая британка!

Суббота

История браузера:

«Увидела вчера своего бывшего, и у меня упало сердце» – Reddit

«Как я столкнулась вчера со своим бывшим и отлично справилась с ситуацией» – Huff post

Я тороплюсь к маме к часу дня. Ночью я очень старалась уснуть, в конце концов мне это удалось, и я проспала до 11 утра. Отправила маме эсэмэс с вопросом, можно ли мне приехать, а потом мне позвонила похмельная Рейчел.

– Не отвечай на его голосовое сообщение, – посоветовала она, услышав мой рассказ. – Ограничься эсэмэс – сердечным, но кратким.

Я так и сделала – с третьей попытки:

Привет, Феми. Надеюсь, ты выспался. Еще раз поздравляю с помолвкой!

Я так счастлива за тебя! Латойя – прелесть. Да, ты познакомишься на свадьбе с моим бойфрендом. Надеюсь, он больше не захворает. Хорошего полета!

Приняв душ, приведя себя в порядок и одевшись, я прыгаю в машину – и вдруг вспоминаю, что у меня просрочен техосмотр. Приходится втискиваться в поезд и ехать от Денмарк-Хилл до Пекхэм-Рай – к счастью, это недалеко.

Путь от станции лежит по людному тоннелю с кафе и прилавками с обеих сторон, потом по улице с несколькими афрокарибскими салонами причесок. Мне преграждает путь женщина-зазывала:

– Милочка, привести в порядок твои волосы? – У нее тончайшие косички и ганский акцент.

Я со вздохом отказываюсь. Так всегда бывает, когда я попадаю в Пекхэм. То, что я не ношу парик, еще не значит, что мне требуется какая-то особенная прическа.

Я ускоряю шаг и миную лавочку, которая находится здесь с незапамятных времен и торгует одними и теми же ганскими сумками. А вот такого количества магазинчиков «Все за фунт» я не припомню. Вот «Макдоналдс», где однажды вспыхнула безобразная драка. Дальше я пробираюсь сквозь толпу крикливых проповедников, мамаш с колясками, покупателей с огромными пластиковыми пакетами, вечно образующуюся перед магазином Primark. Вот и бюджетная Costa. Не могу туда не заглянуть.

На районе сплошь нарощенные волосы, хиджабы, растаманские головные уборы... Но в кафе совсем другая картина: вязаные шапочки, джинсовые крутки и торчащие из-под кроссовок белые носочки. Пекхэм здорово изменился.

С пешеходного перехода видна изогнутая крыша – Пекхэмская арка. Мне приятно видеть, что снова действует моя любимая Пекхэмская библиотека, освободившаяся наконец от строительных лесов, – сердцевиной здешней общины.

В детстве меня водил сюда отец, чтобы спасти от тяжелой атмосферы у нас дома. Он учил меня старательности, тогда как мать всегда требовала только успехов. Наверху, в детской читальне, мы с ним устраивались на «бобовом пуфе», и я читала вслух книжки Жаклин Уилсон.

Ступив на переход, я вспоминаю мамино эсэмэс и возвращаюсь в африканский супер-маркет, за толченым ямсом. Теперь можно поспешить к ней. По пути я размышляю, как заговорить с ней об Алексее.

У маминой двери – она живет в трехэтажной квартире, сохраняющей приличный вид, благодаря чему местный совет никак не соберется ее снести, – мне в нос бьет запах сушеных лангустов. Услышав громкое и хриплое мамино пение, я тороплюсь захлопнуть дверь, чтобы избежать соседских жалоб; о моем появлении оповещает, кроме стука, брнчание железной таблички на двери.

– Зачем так хлопать? – доносится из кухни мамин голос. – Или ты поступила на службу в эмиграционное бюро?

Я закатываю глаза и тороплюсь избавиться от пальто: оставляю его на вешалке, рядом с картиной – голубоглазым Иисусом.

– Здравствуй, мама. – Я сгибаю колени – это традиционное приветствие у народа йоруба – и отдаю ей пакет. Она сует туда нос и хмурится.

– Ты купила дорогой сорт.

– Извини. – Я тру затылок. – Ты сейчас занята, мам?

– Твоя сестра в гостинной, – говорит она, не слыша меня.

– Кеми здесь? – Я расширяю глаза. При всей любви к сестре мне не хочется обсуждать при ней свою личную жизнь, и немудрено: она на пять лет моложе меня и уже замужем.

– Что с того? – удивляется мама.

– Ничего, я подожду.

Она удаляется в кухню, заставляя меня прижаться к поломанному комоду, который она упорно отказывается выбросить.

– Рада тебя видеть, Инка! – говорит Кеми.

Я раскрываю ей объятия. От нее пахнет какао-маслом. – Как я погляжу, твой животик растет с каждым днем!

Она радостно похлопывает себя по животу, и мы дружно хохочем.

– Чем занимаешься? – спрашиваю я, снимая пушинку с ее коротких выпрямленных волос.

– Рассматриваю детские фотографии. Хочу понять, как будет выглядеть мой младенец. – Она кивает на горку, на которой теснятся, сражаясь за место, десятки семейных фотографий. При виде отцовской фотографии на проигрывателе у меня стискивает горло. Он худосочный, как и я, с кожей цвета кофейных бобов. Кеми пошла в мать: такая же пышная, шоколадного цвета.

Когда папа умер, мне было десять лет, а Кеми только пять. Его погубил рак простаты.

Пока папа был жив, он был для меня центром вселенной, утешителем, лучшим другом. Он старался, чтобы я была... заметной. В младших классах меня изводили за слишком темный цвет кожи, обзывали «собачьей какашкой». Я никому не жаловалась и плакала под одеялом, но папа всегда находил для меня правильные слова. «Ты красавица, – твердил он мне. – Никому не позволяй в этом сомневаться, Инка. Помнишь, что я тебе говорил?» И я бормотала сквозь рыдания: «Полуночное небо так же красиво, как рассветное».

Я часто гадаю, как сложилась бы моя жизнь, если бы папа был еще жив. Хотя не уверена, что смогла бы попросить у него совета о личной жизни.

– Как делишки? – отвлекает меня от грустных мыслей Кеми. – Мама говорит, тебя повысили.

Я изумленно разеваю рот.

– Да, она теперь у нас вице-президент, – подхватывает мама, появляясь в гостинной. У меня отчаянно колотится сердце.

– Ух ты! Поздравляю, сестрица! – Кеми бросается меня обнимать. – Клянусь, ты этого заслужила. Когда вступаешь в должность? Чем именно тебе придется заниматься? – Она увлеченно задает вопросы и не обращает внимания на мое состояние.

– Сссспасибо... – выдавливаю я, отчаявшись унять сердцебиение, и кошусь на мать, которая присоединяет зарядку к телефону. – Пройдут две-три недели, прежде чем я начну. Это больше смена названия, чем что-то по-настоящему важное. Жаль, что тебя вчера не было. Как прошел ужин в честь дня рождения матери Уче?

Кеми уже отвечает, когда наша мама, на счастье, покидает комнату и больше нас не слышит. Я готова прервать Кеми и вывалить всю правду, но спохватываюсь: *хочу ли я этого?* Все, чего я от ее добьюсь, – это гримаса вины и сочувствия. Можно подумать, что с момента помолвки Кеми все мои неприятности происходят по ее вине! Терпеть не могу, когда она ходит вокруг меня на цыпочках. Знаю, по этой самой причине она и не задает мне вопросов про личную жизнь, хотя мне, собственно, нечего было бы ей ответить. Кроме того, она теперь не отходит от матери, так что мне ничего не стоит держаться в сторонке.

– Как вчерашняя помолвка? – интересуется Кеми, поглаживая свой живот.

Я тут же вспоминаю Феми и Латойю.

– Было весело... Слушай, ты помнишь эту фотографию? – Я распахиваю стеклянную дверь и хватаю первое попавшееся фото. На нем 11-летняя Кеми в черном балетном трико. Она была тогда светлее, чем теперь, с огромными торчащими косичками.

– Прекрати... – Кеми отнимает у меня фотографию. – Посмотри на мои волосы. Мамина работа!

– А поза-то, поза! – смеюсь я. – Нам полагалось выступать на сцене. Помню, ты была лучшей в классе.

– Мама не была в восторге от моих способностей, – возражает Кеми с потешной гримасой.

– О чем ты говоришь? Она считает тебя прекрасной актрисой.

– Не болтай, Инка. Он знала, что мне грош цена. У меня был «недостаточно академический стиль», – иронизирует она. – Знаешь, что она сказала, когда я получила по драме «отлично»? «Какой в этом толк?» – Это произносится с неподражаемым нигерийским акцентом.

Я морщусь. Мама всегда отдавала предпочтение точным наукам. Не знаю, почему, может, потому, что сама она работала медсестрой, а папа – инженером. Когда Кеми сказала ей, что хочет стать преподавателем драматического искусства, она ее не одобрила.

«Я думала, это у тебя хобби», – сказала она Кеми с удрученным выражением лица. Лучше бы призналась, что считает дочь чокнутой.

В детстве я понимала, как болезненно Кеми воспринимает мамины восторги от моих школьных достижений, и была ее заядлой болельщицей. Я помогала ей разучивать роли, старалась не пропускать ее спектакли, особенно когда на них не приходила из-за занятости мама.

– Что ж, зато теперь мама тебя одобряет, – говорю я, беря следующую фотографию. На ней Уче и Кеми в день их традиционной свадьбы. Кеми выглядит как триумф стараний свадебного салона Bella Naija: вся в кружевах и в тесьме, с царским веером из перьев в руках. Уче ей под стать: струящийся халат с широкими рукавами, бусы из фальшивой слоновой кости.

– Ооо!.. – Кеми кладет голову мне на плечо. Мы молча смотрим на фотографию.

– Папа гордился бы тобой, – говорю я шепотом. Кеми сжимает мне руку.

– Так, теперь твоя очередь. – Возвращаясь в сегодняшний день, она берет другую фотографию – моего выпуска. – Ты только посмотри, Инка, какие длинные у тебя были волосы!

– А потом она взяла и оболванилась!

Мы вздрагиваем. Мама возвращается, одергивая на себе халат.

– Дайте взглянуть. – О на тянется за фотографией и напряженно в нее вглядывается. – Вот это длина! – произносит она с нескрываемым сожалением, качает головой и хмурится,

коясь на меня. – Чего ради ты остригла волосы, Инка? Так тебе шло гораздо больше. – Она тычет пальцем в фотографию. – А теперь у тебя мальчишеская прическа.

– Мама!.. – Кеми закрывает лицо ладонями.

– Что не так? – Мама выпячивает губы. – У тебя свои предпочтения, у меня свои. Я предпочитаю длинные волосы. Длинные! Между прочим, Инка еще не замужем. – Так... Напрасно я надеялась, что она избегнет слова на «з». – Будь она замужем, как ты, то могла бы носить любую прическу.

– Мама!.. – повторяет Кеми, подчеркивая интонацией, что это унижительный разговор. Я качаю головой.

– Думай что хочешь, мама. Знаю, тебе не нравится моя прическа. – Я возвращаю фотографию на место, не обращая внимания на виноватое выражение лица Кеми. И тут я кое-что замечаю. – Что я вижу? – Я со сладкой улыбочкой беру старую фотографию родителей. У папы на ней внушительная шевелюра «афро», у мамы тоже что-то в этом роде.

– Разве это длинные волосы? – Я ехидно сую фотографию ей под нос.

– Брось! – Мама машет рукой. – Тогда была такая мода.

– Между прочим, вы тогда еще не были женаты! – кричу я. Кеми смеется. – По словам тети Дебби, это фотография вашего знакомства. Расскажи, куда он тебя водил? Он нервничал? Мог разговаривать?

Мама отнимает у меня фотографию.

– Слишком много вопросов, Инка. Как придешь, обязательно засыпаешь меня вопросами, как будто ты репортер. – Она ставит фотографию на место и заслоняет собой горку.

Вечно она так: не желает разговаривать о папе и вообще о прошлом, вечно затыкает мне рот. Знаю, она бывает суеверной: не любит разговоры о мертвых. Но это другое, это же папа!

– Между прочим, еда почти готова, осталось только приготовить ямс. – Мама утирает лоб, и я решаю поговорить с ней после еды.

– Я накрою на стол, – вызываюсь я.

– Нет, Инка, лучше помоги мне на кухне.

Я поворачиваюсь к Кеми: обычно помощница – она.

– Я тоже могу, – говорит та.

Мама качает головой.

– Скажи мне, Кеми, кто здесь беременная, ты или Инка?

На плите томится красное рагу со шпинатом. Мама льет из чайника кипяток в кастрюлю с ямсовым порошком и сует мне деревянную лопатку.

– Займись ямсом! – командует она.

Ничего себе! Я почти никогда не готовлю нигерийскую еду.

– Чего медлишь? – кричит она. Я подступаю к плите, сжимая лопатку, как туалетный вантуз, и погружаю ее в кастрюлю. «Это то же самое, что картофельное пюре», – подбадриваю я себя.

– Начинай! – командует мама. – Не стой столбом. Для чего тебе руки?

Я приступаю к делу: вращаю лопаткой. Кастрюля так трясется, что я боюсь, как бы она не опрокинулась.

– Не жалея сил! – приговаривает мама, заглядывая мне через плечо. – Ну же, Инка! Разминай хорошенько!

Я послушно ускоряюсь, послушно не жалею сил. Не знаю, откуда они только берутся. Меня уже прошиб пот.

Как ни печально, этого недостаточно.

– Ты такая британка! – Мама отодвигает меня в сторону и сама встает к плите. – Хотела бы я знать, что будет есть твой хуз-банд? Чем ты будешь потчевать своего муженька?

– Готовить буду не только я.

Мама неодобрительно цокает языком.

– Не вздумай кормить его курицей с жареной картошкой!

Мне смешно. В детстве я как раз любила курицу с картошкой. До сих пор позволяю себе баловство – захаживаю в фастфуд «Чикен Коттедж». Согласна, иногда я этим злоупотребляю.

– Дай мне три тарелки. – Мама справляется с ямсом в считанные секунды. То, что только что смахивало на белую кашу для грудничка, превращается в овальный ком нежнейшего теста.

Я делаю, как мне велено: достаю из буфета три разные тарелки. Мама ставит их на моро-зильник и кладет на одну горячий ямс.

– Мне совсем немножко, – прошу я.

– Немножко? – передразнивает она меня и кладет мне порцию размером со страусиное яйцо. – Ты совсем тощая, Инка. Тебе надо поправляться. Взгляни на сестру! – Она начинает раскладывать рагу. – Одна ее ягодица больше твоих обеих!

Я со стыдом тяну вниз полы кардигана.

Тарелки полны. Я ставлю их и миску с мыльной водой на поднос.

– Убери ложки! – приказывает мне мама. – Ешь руками! Нава о!¹⁰ Ты такая британка!

Что поделать, если ты родила меня здесь...

Я собираюсь нести поднос в гостиную, но мама останавливает меня, кладя руку мне на плечо.

– Инка, – обращается она ко мне чуть слышно, – не хочу на тебя давить, но, Бога ради, обдумай предложение тети Функе, не упирайся! Абег¹¹, приходи завтра в мою церковь. – Она выглядит такой отчаявшейся, что мне становится смешно.

– Приду, – отвечаю я беззаботным тоном. Это по крайней мере спасает меня от долгого разговора. – Но с одним условием, мама: пусть это останется между нами. Я серьезно! – Я озираюсь. – Кеми тоже не надо об этом знать.

Мама послушно прикладывает палец к губам, потом изображает широкую улыбку.

– Спасибо, – говорю я и отодвигаю служашую дверью расшитую занавеску.

– Господи Иисусе, благодарю Тебя!.. – восклицает моя мать.

¹⁰ Возглас удивления.

¹¹ Пожалуйста (*нигер., сленг*).

Проповедь

Воскресенье

Рейчел создала беседу с рискованным названием «Я выхожу замуж, сцуко!».

Рейчел:

Салют, девчонки, буду рада увидеть
всех вас в пятницу.

Жду не дождусь провести мой
особенный день с вами.

Как вы знаете, осталось всего

ШЕСТЬ МЕСЯЦЕВ!

Столько всего надо успеть

Срочно устраиваю предварительную

встречу с невестой

Ждите сообщений

Ола:

Уже заждалась!

Твоя свадьба – это будет нечто!

Звоните мне, если что

потребуется

Нана:

Ура, не стесняйся, брайдзилла¹²

Я поняла, что надо замыотить эту беседу

Автокоррекция: Это У ТЕБЯ осталось всего шесть месяцев

Ржунимагу

Инка:

Нана, ты меня рассмешила

Не дрейфь, Рейч.

Мы с тобой

Мы поем хвалу Иисусу. Спасибо, Господи. Мы поем хвалу Иисусу. Спасибо, Господи.

Кажется, паства часами распевает одно и то же, потом хор постепенно стихает, песнопение завершается.

– Поаплодируем им. – Пастор Адекейе подходит к кафедре.

Под аплодисменты паствы хор покидает сцену.

¹² Так в шутку называют невест, изводящих подруг предстоящей свадьбой: от «bride» (невеста) и «годзилла».

Мне не верится, что я здесь, в церкви Всеобщего Радушия, по прошествии невесть скольких лет. С другой стороны, именно здесь меня ждет встреча с тем, кого я назначила своим бойфрендом. Утром, приняв душ, я перебрала свой унылый гардероб, кое-что примерила, сделала несколько селфи, чтобы легче было принять решение. В итоге польстилась на красочность и выбрала водолазку цвета фуксии и узкие джинсы-варенки.

Перебирая свои фотографии, я слабо надеюсь на то, что он не заметит, какой у меня плоский зад.

– Повторяйте за мной! – От голоса пастора Адекейе я подпрыгиваю и упираюсь взглядом в экран проектора. Пастор – харизматический персонаж, шеголяющий в ботинках из крокодиловой кожи.

Словно готовясь к торжественной речи, он одергивает свой блейзер и грохочет:

– Это мой год!

– Это мой год! – вторит ему паства.

Пастор Адекейе укоризненно кривится и замирает на месте.

– Что это было? Вы уснули? Я сказал: «ЭТО МОЙ ГОООООД!» – Он уже рычит, паства копирует его рык, сжимая кулаки.

Я тяну шею, выискивая глазами тетю Дебби, но в церкви слишком много народу.

– Я скажу вам одну вещь. – Пастор Адекейе идет к другому краю сцены. – В этом году Бог желает вам благодати, вы знаете это? Он желает осыпать вас милостями. ФИНАНСОВЫМИ.

Толпа рада это слышать, все, растопырив руки, кричат: «Аминь!»

– Аминь, – произношу и я, пусть и с опозданием в целую секунду. Теперь, став безработной, я бы нашла применение лишним денежкам – о нет!.. Сдалась Алексу безработная! Уволена по сокращению штатов... Уверена, он поймет.

Пока пастор Адекейе переходит на противоположный край сцены, я гадаю, каков Алекс собой. Носит бородку? Запустил щетину? Чисто выбрит? Или отрастил вавилонскую бороду?

Мне опять не удастся додумать свою мысль до конца.

– Он хочет одарить вас крепким здоровьем!

– Да, пастор! – выкрикивают сразу несколько человек. – Свидетельствуйте!

– Некоторым из вас Он дарует детей.

– Аминь!

– А некоторым... – Пастор Адекейе держит драматическую паузу. – Некоторым будут дарованы внуки!

О да, мама это оценит. Можно подумать, что она прыгнула в бассейн, не умея плавать: разводит руками, сейчас забарахтается.

– Аллилуйя! – кричит она так, что у меня звенит в правом ухе. – Даруй мне внуков, и побольше!

– Это относится к тебе, – шепчу я на ухо Кеми, наклонившись к ней. Она прыскает и пытается меня ущипнуть. Лучше бы рядом с мамой села она: она регулярно посещает церковь Всеобщего Радушия и, наверное, привычна к маминым причудам.

Пастор Адекейе потеет на сцене и утирает лоб мятым платком.

– Хо-хо-хо, вот вы и проснулись! – смеется он. – А для некоторых из вас... – Он вдруг умолкает. – Вряд ли вы готовы это услышать.

– Говорите, пастор! Говорите!

– Что ж, раз вы просите... – говорит он с улыбкой. – Кое-кого среди вас Бог намерен одарить... хуз-бандом!

Паства сходит с ума. Именно так! Они топают ногами, машут руками. Маму сотрясает дрожь. Ее разбирает «лихорадка Джеймса Брауна», как я это называю: она начинает говорить на неведомых языках.

Я давлюсь от смеха. Далеко не все присутствующие женщины одиноки. Это означает, что многие из них подняли гвалт, радуясь за своих одиноких дочерей.

У меня чувство, что я оказалась на съемках программы Опры Уинфри, где она говорит: «Ты получаешь автомобиль. И ты, и ты».

Я озираюсь с озадаченным видом и вижу Дерека в черной униформе привратника, шагающего по центральному проходу.

Мы встречаемся взглядами.

Проклятье! Я торопливо отворачиваюсь. Вот черт! Я говорила Дереку, что больше не собираюсь бывать в церкви Всеобщего Радушия...

Я напряженно наблюдаю, как пастор Адекейе возвращается на свою кафедру.

– Садитесь, все.

Дружный шорох тел. Уже усевшись, я начинаю кое-что соображать.

Ну-ка, ну-ка! Как насчет прихожан-мужчин? Знаю, женщины здесь преобладают, но от пастора ждешь логики. Как насчет матримониальных перспектив у мужчин?

Но пастор Адекейе уже листает свою Библию.

– Так, откроем главу...

Спустя 20 миллионов часов

Я духовно истощена, но мне надо взять откуда-то энергию, чтобы произвести впечатление на Алекса. Наверное, это все же была не самая лучшая идея.

Люди вокруг меня встают и направляются к выходу. Я оглядываюсь на мать. Она переговаривается сразу с несколькими тетушками, торопящимися по проходу. Как я погляжу, популярности ей не занимать.

– Ты вчера не сказала, что сегодня придешь.

Я поворачиваюсь к Кеми. Она положила голову на плечо Уче, тот водит большим пальцем по ее руке.

– Вдруг пришла такая мысль... Рада тебя видеть, Уче! Ты вот-вот станешь отцом.

Уче рассказывает, до чего он воодушевлен этим обстоятельством, перечисляет каналы в YouTube, помогающие ему готовиться к отцовству. Я тронута. Уче очень славный. Мне достался хороший зять.

– Что-то я подзабыла, когда роды... – говорю я, когда Уче умолкает.

– Что у тебя с памятью, Инка? – возмущается Кеми. – Двенадцатого апреля! Я повторила это тебе не меньше десяти раз.

– Знаю, не серчай. – Я достаю телефон. – Сейчас вставлю дату в свой дневник, чтобы больше не забывать.

Открыв календарь, я мысленно возвращаюсь к своему плану. Когда Кеми родит, я буду чаще видеться с матерью и с тетушками. Надеюсь, встреча с Алексом не пройдет даром.

– Нам надо кое-что вернуть в Argos. Потом пойдем с мамой в V&Q.

– Мы покупаем краску для детской, – объясняет Уче и встает, чтобы помочь подняться Кеми.

– Хочешь с нами? – предлагает мне Кеми, вдевая руки в рукава поднесенного Уче пальто.

Я кошусь на мать, гордо рассказывающую одной из тетушек о том, что «ждет девочку». Куда подевалась тетя Дебби? Без нее встрече с Алексом не бывать.

– Лучше в другой раз, – отвечаю я сестре.

Та, к счастью, не развивает эту тему. Я обнимаю на прощанье ее и Уче.

Вдруг кто-то хлопает меня по плечу.

– Инка! Так и знал, что это ты.

Я вскакиваю и делаю книксен перед тетей Чиомой, владелицей салона красоты, все знающей о чужих делах. На носу у нее знатная бородавка, тональный крем на лице отличается тоном от крема на шее. Яркий платок на голове так велик, что мне жаль того, кто сидел в церкви у нее за спиной.

– Как делишки, Инка? Давно тебя не видела. – Красные губы тетушки Чиомы растягиваются в улыбке.

– Спасибо, хорошо, тетушка. – Краткость и вежливость – сестры спокойствия.

Тетя Чиома слегка раскачивается из стороны в сторону и озирается – не иначе, кого-то ищет. Я хмурюсь и тоже смотрю по сторонам.

– Вот скажи, где твой хуз-банд, а?

Я через силу улыбаюсь. Надо было это предвидеть. Мать предупреждала, что тетушка Чиома давно старается женить своего сына. Я ходила вместе с ним в воскресную школу; по рассказам подруг, он теперь пристрастился к азартным играм. Мне везет: прежде чем она успевает его представить, в наш разговор встречается моя мать. Она торопливо здоровается с тетушкой Чиомой и сообщает, что нам пора уходить.

– Смотри, не забудь рассказать Инке о моем сыне Эммануэле!

– Да-да... – Мать неопределенно машет рукой и толкает меня вперед.

– Мама!.. – возмущаюсь я.

Мы пробираемся в толпе в центральном проходе. Я уже нервничаю. Вдруг Алекс окажется совсем не таким, каким его расписывала тетя Дебби? Но менять решение уже поздно, мы подходим к сцене, где народу чуть меньше. Что бы вы думали? Нас ждет тетя Дебби, разодетая, как на скачки в Аскоте.

– Инка! Вот и ты. – Она прижимает меня к груди и кормит своим жемчугом. – Я не говорила о тебе Алексу. Знакомство получится спонтанным. – Она рассматривает мою прическу и, не спрашивая разрешения, поправляет прядь. – Идем! – она с ухмылкой тянет меня за руку.

Мы движемся вдоль ряда кресел, переступаем через ноги и сумки. Тетя Дебби прокладывает путь, за ней иду я, мама – замыкающая. Тетя Дебби останавливается за спиной у мужчины в синей рубашке, сидящего в переднем ряду.

У меня ухает сердце. Что ж, затылок у него в порядке, а это уже кое-что!

– Алекс! – Тетя Дебби хлопает его по плечу. – Хочу кое с кем тебя познакомить.

Мужчина оборачивается. Клянусь, я перестаю дышать.

Нехватка воздуха не мешает мне мысленно чертыхнуться. Господи, прости! Святые угодники! Алекс хорош. До чего хорош!

Он встает и оказывается верзилой выше шести футов ростом. У него такая гладкая шоколадная кожа, что у меня сразу возникает мысль о кокосовом масле. Вылитый Тайсон Бекфорд¹³. Какие глаза! А скулы! А губы! Боже, вот это губы! Нижняя – розовая, как я люблю.

Я глотаю слюну.

– Привет, – произносит мой рот. Тетя Дебби опоздала с представлением. – Я Инка. (А ты с ума сойти до чего хорош!)

– Инка – моя племянница, – спохватывается тетя Дебби, пока я на него тарашусь. – Инка, это Алекс, один из моих жильцов.

– Рад знакомству, – урчит Алекс, вызывая у меня дрожь в коленках. У него сексуальный бас – ночь напролет слушала бы такой!

Алекс протягивает руку, я медленно пожимаю ее. *Ого, крепкое же у него рукопожатие!*

¹³ Американский актер, фотомодель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.